М. БРАШЪ.

РАЗВИТІЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ.

ФИЛОСОФСКІЯ УЧЕНІЯ ОТЪ ДРЕВНЕ ГРЕЧЕСКАГО ПЕРІОДА

ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Избранныя мѣста изъ философскихъ сочиненій всѣхъ вѣковъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТОМЪ I.

ВЫПУСКЪ I.

ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ И СОКРАТЪ.

ИЗДАНІЕ

Я. Л. ПАПЕРА

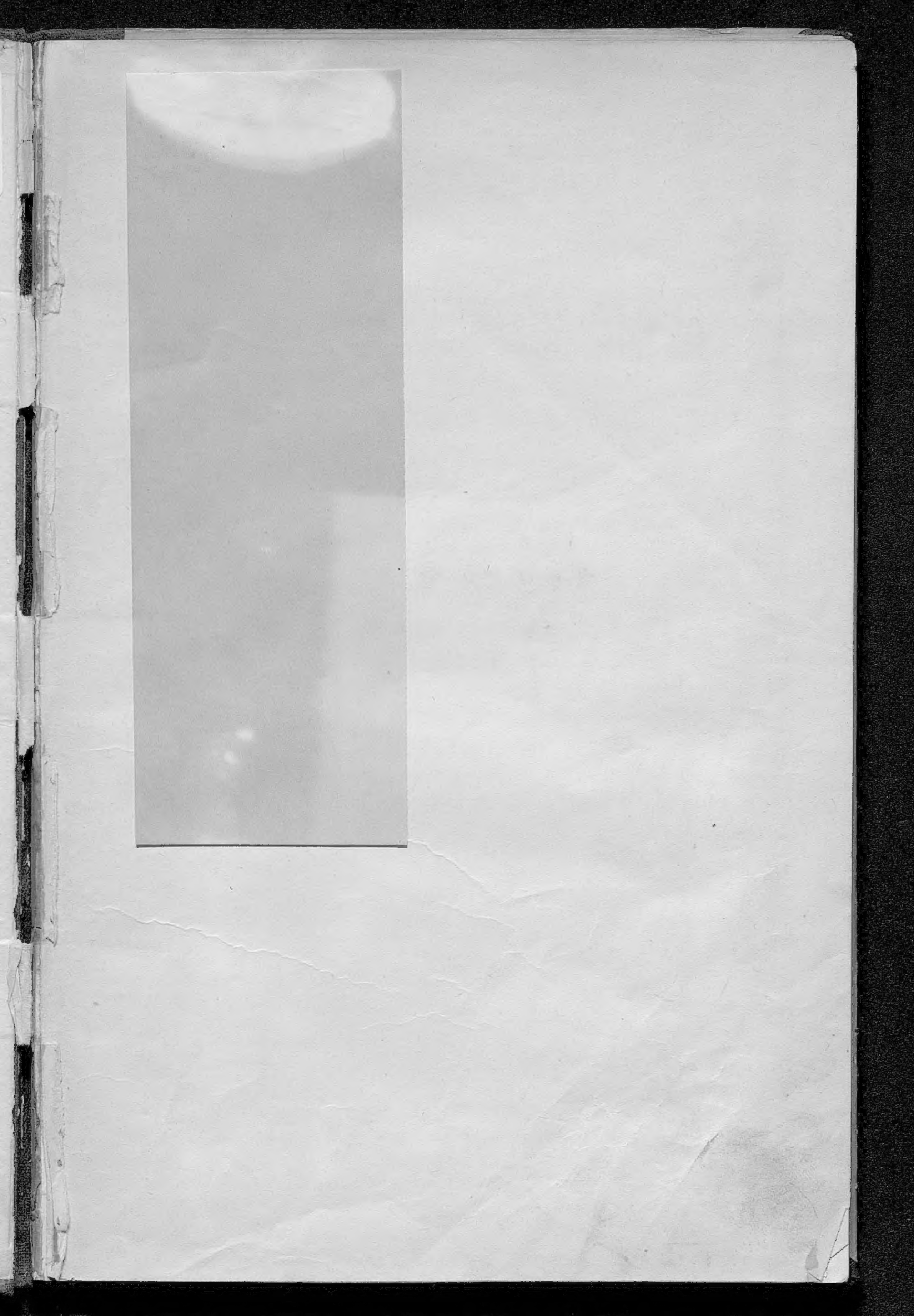
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1885.

М. БРАШЪ.

РАЗВИТІЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ.

ФИЛОСОФСКІЯ УЧЕНІЯ ОТЪ ДРЕВНЕ ГРЕЧЕСКАГО ПЕРІОДА

ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Избранныя мѣста изъ философскихъ сочиненій всѣхъ вѣковъ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

ТОМЪ I.

ВЫПУСКЪ I.

ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ И СОКРАТЪ.

ИЗДАНІЕ

Я. Л. ПАПЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.
1885.

Екатерининскій кан., д. № 78.
2599

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Декабря 1884 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ

Главная цѣль настоящаго сочиненія заключается въ облегченіи читателямъ возможности самостоятельно орьентироваться въ философскихъ ученіяхъ, школахъ и системахъ. Этой цѣли должны служить представляемыя въ переводѣ существенныя части текста и отрывки изъ выдающихся философскихъ твореній всѣхъ вѣковъ. Въ этихъ частяхъ текста и отрывкахъ, хотя бы и не пространныхъ, но существенныхъ для опредѣленія главныхъ философскихъ школъ, заключается центръ тяжести значенія настоящаго сочиненія. Это значеніе, именно, и дало намъ мысль издать его для русскихъ читателей. Ознакомленіе съ исторіею философіи достигается такимъ способомъ легче, во всякомъ случаѣ, чѣмъ посредствомъ однихъ характеристикъ философскихъ ученій. Имъ вѣрнѣе и скорѣе достигается, по нашему мнѣнію, уразумѣніе философскихъ системъ въ различныя эпохи и—что не менѣе важно—то отношеніе къ нимъ, которое заставляетъ глубже вникать въ нихъ, и дѣлаетъ философскіе вопросы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, родными для насъ. Этимъ же способомъ избѣгается, можетъ быть, въ значительной степени и склонность подведенія разнообразныхъ философскихъ системъ подъ одну какую нибудь теорію. Мыслитель, не мало вдумывавшійся въ философскіе вопросы, К. Д. Кавелинъ говоритъ слѣдующее по поводу этого подведенія всѣхъ философскихъ частей подъ одну теорію: «Нашъ обычный пріемъ—собирать въ одно философскія ученія всего міра и обозрѣвать ихъ по извѣстной системѣ, прирѣзывая и прикраивая по усмотрѣнію, есть вѣрный способъ сдѣлать невозможнымъ правильный взглядъ на развитіе философіи, потому что философскія доктрины не могутъ быть схематизированы, такимъ образомъ, безъ утраты

существеннаго своего смысла. Онѣ возникаютъ при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ, по самымъ разнообразнымъ поводамъ, и вслѣдствіе того такъ различны, что трудно подвести ихъ даже подъ общія группы, а вытянуть въ послѣдовательный рядъ, какъ мы дѣлаемъ, совсѣмъ невозможно». Нѣкоторая самостоятельность знакомства съ философскими ученіями, самостоятельность, облегчаемая приведенными частями текста, должна содѣйствовать болѣе правильному отношенію къ философіи и вообще предоставить ей то мѣсто въ мысли читателей, которое она на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ *).

Заключающіяся-же въ этомъ сочиненіи характеристики философскихъ системъ, выясняющія, на ряду съ общимъ значеніемъ послѣднихъ, ихъ взаимо-отношенія и связь, въ которой онѣ стоятъ съ временемъ, въ которое онѣ возникли, должны служить только для болѣе точнаго выраженія этихъ философскихъ ученій.

Но никогда сочиненіе, имѣющее своею задачею, популяризировать какую нибудь отрасль науки въ данной странѣ— а такую задачу имѣетъ и представляемая книга,—не можетъ въ простомъ переводѣ его на другой языкъ вполнѣ удовлетворить потребностямъ читателей другой страны. Начнемъ съ того, что всѣ пріемы изложенія научнаго предмета разнятся въ различныхъ странахъ. Многочисленные факты, точныя выясненія ихъ подробностей и вообще строгая, большею частію, индукція англійскихъ писателей замѣняется у фран-

*) Съ Парменида, самаго выдающагося философа элеатской школы, мы вводимъ переводъ текста философскихъ ученій въ это сочиненіе и слѣдуемъ въ этомъ отношеніи Брашу. Мы не сдѣлали этого по отношенію къ философскимъ теоріямъ болѣе ранняго періода на томъ уже основаніи, что такой текстъ совпадалъ-бы только съ общими характеристиками, которыя даетъ Аристотель. Подлинныя сочиненія первыхъ греческихъ философовъ не сохранились, какъ извѣстно. Правда, что и относительно Парменида приходится еще пользоваться указаніями Платона, но за то эти указанія, во первыхъ, достаточно подробны, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ, а во вторыхъ, философія этого предшественника Сократа настолько уже важна для познанія философскихъ теченій даже новѣйшаго времени (припомнимъ только о Гегелѣ, признавшемъ свое родство съ элеатами),— что мы не могли не привести текста касательно философіи Парменида, хотя-бы только по объясненіямъ Платона.

цузовъ, напримѣръ, блестящимъ изложеніемъ, часто очень точнымъ, правда, но больше въ формѣ выводовъ изъ общихъ положеній. Французскіе писатели великіе мастера и въ дѣлѣ собственно фактическаго изложенія, но благодаря складу французскаго ума и требованіямъ читателей, фактическое изложеніе всегда уступаетъ мѣсто въ ихъ сочиненіяхъ изложенію съ характеромъ дедукціи. Нѣмцы тоже больше склонны къ общимъ выводамъ. Фактическое изложеніе замѣняется у нихъ большею частью очень подробнымъ развитіемъ данной идеи, но развитіемъ не фактическимъ, а опять таки идейнымъ, т. е. общими выясненіями, опредѣленіями и соображеніями. Въ популярномъ сочиненіи по чисто научнымъ вопросамъ ни одинъ изъ этихъ писателей, будь то англичанинъ, французъ или нѣмецъ, вполнѣ не удовлетворитъ русскаго читателя, который не отличаясь, правда, особеннымъ пристрастіемъ къ общимъ выводамъ и къ пространному развитію идеи, легко утомляется и отъ чисто фактическаго изложенія.

Мы думаемъ, поэтому, что исполнили только долгъ по отношенію къ нашимъ читателямъ, когда выпускали нѣкоторыя мѣста изъ сочиненія Браша и замѣняли ихъ другими, по нашему убѣжденію, болѣе подходящими для русскихъ читателей. Ни мало не принимая на себя роли критика переводимаго нами сочиненія, вообще хорошаго, мы почли, однако же, нашимъ правомъ, обусловливаемымъ нашей обязанностью какъ издателя популярнаго сочиненія — явно неподходящія для русскаго читателя мѣста, въ смыслѣ недостаточной ихъ ясности, замѣнять болѣе удовлетворительнымъ изложеніемъ, гдѣ бы мы его ни находили.

На томъ только основаніи, что мы переводили Браша, мы не считали себя въ правѣ игнорировать достоинства другихъ сочиненій по этому же отдѣлу науки, и приводили изъ этихъ послѣднихъ то, что, по нашему мнѣнію, необходимо для болѣе точнаго выясненія или рѣшенія каждаго вопроса. Повторяемъ, мы думали этимъ исполнить только нашъ долгъ по отношенію къ читателямъ.

Далѣе, каждый авторъ популярнаго сочиненія пишетъ, со-

ображаясь не только съ уровнемъ знаній и развитія своихъ читателей, но и съ ихъ привычками относительно языка. Тамъ, гдѣ отвлеченный языкъ успѣлъ войти болѣе или менѣе во всеобщее употребленіе въ научныхъ вопросахъ, авторъ популярнаго труда не имѣетъ особой надобности избѣгать отвлеченныхъ выраженій и возможно упрощать пріемы собственнаго изложенія. Но для читателей другой страны, не усвоившихъ еще привычки обращаться съ отвлеченными терминами, такое сочиненіе, хотя бы и наиболѣе удовлетворительное въ оригиналѣ въ простомъ переводѣ совсѣмъ не будетъ удовлетворительнымъ. Въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ каждая «туманная» фраза дѣйствуетъ на русскаго читателя подавляющимъ образомъ. Онъ не любитъ такихъ фразъ и охотно прочтетъ, вмѣсто одной такой фразы въ пару строкъ или въ одну строку, цѣлую страницу съ яснымъ изложеніемъ предмета.

Мы избѣгали, поэтому, всего, что способно вызвать въ нашихъ читателяхъ мысль о нѣмецкомъ туманѣ и замѣняли неподходящія въ этомъ отношеніи мѣста въ сочиненіи Браша болѣе удовлетворительнымъ изложеніемъ даннаго вопроса.

Приводя части текста философскихъ сочиненій, мы, по разнымъ причинамъ, также не могли вездѣ слѣдовать сочиненію М. Браша. Приводя же такія части въ переводѣ на русскій языкъ, мы предпочитали, какъ въ текстѣ настоящаго выпуска, спеціалистовъ-знатоковъ философскихъ произведеній, какъ профессоръ Карповъ и А. Клевановъ,—всякому другому переводу. Думаемъ, что и въ этомъ случаѣ мы исполнили только нашъ долгъ по отношенію къ читателямъ.

Въ результатѣ выходитъ, что мы значительно измѣнили сочиненіе М. Браша и ввели въ него, какъ въ самомъ изложеніи, такъ и въ частяхъ текста, нѣкоторыя новыя черты въ видахъ пользы для русскихъ читателей, пользы, какъ мы ее понимали.

Мы просимъ поэтому нашихъ критиковъ, осудить насъ не за самыя эти измѣненія въ сочиненіи Браша вообще, а только за то, что мы сдѣлали не такъ, какъ слѣдуетъ сдѣлать, не за новыя черты, а за неудовлетворительныя.

Я. Паперъ.

ВВЕДЕНІЕ.

О значеніи философіи господствуютъ неясныя понятія и въ образованной части общества. Одни считаютъ ее многообъемлющимъ ученіемъ, объясняющимъ величайшія міровыя тайны, но въ то-же время недоступнымъ для большинства людей вслѣдствіе крайней трудности пониманія. Къ твореніямъ великихъ философскихъ умовъ питаютъ глубокое уваженіе, но ихъ избѣгаютъ по недостатку увѣренности въ возможности постигнуть ихъ содержаніе. Другіе, напротивъ, считаютъ ее только остроумною и интересною, но въ существѣ дѣла излишнею игрою человѣческаго ума. Философія, по ихъ мнѣнію, напрасно трудилась цѣлыя тысячелѣтія надъ великими вопросами человѣческаго духа; она не добилась опредѣленныхъ результатовъ. Это скептическая точка зрѣнія, какъ ее выразилъ Фаустъ въ первомъ большомъ монологѣ.

И философія, и медицина мною
Съ законовѣдѣньемъ изучены вполнѣ,
И богословіе... къ несчастью, всею душою
Исчерпалъ я до дна. И что же? Горе мнѣ!
Себя невѣждою такимъ же нахожу я,
И все такой же я глупецъ,
Хотя магистръ и докторъ, наконецъ.
Ужъ десять лѣтъ, какъ за носъ все вожу я
И вкривь и вкось учениковъ моихъ,
И лишь одно узналъ изъ опытовъ своихъ,
Что знанье человѣку не возможно —
И вотъ о чемъ скорбитъ душа моя [1]).

Наперекоръ такимъ воззрѣніямъ слѣдуетъ замѣтить, что философія—*наука*, высокая, многообъемлющая наука. Есте-

---

[1]) Переводъ Н. Грекова.

ствознаніе имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе явленій и законовъ природы; исторія—развитіе человѣческихъ обществъ и событій, которыми оно сопровождалось; юриспруденція занимается изслѣдованіемъ происхожденія, исторической связи и приложимости правовыхъ началъ и законовъ. Каждая наука имѣетъ такимъ образомъ свою особенную область изслѣдованій. Задача же философіи заключается въ познаніи внутренняго соотношенія между явленіями міра, какъ цѣлаго, и ихъ причинами, во всѣхъ ихъ формахъ и во всемъ развитіи.

Но философія можетъ тогда только достигнуть значительной высоты, когда она держится началъ, добытыхъ точными науками. Какъ позитивныя науки должны прибѣгать по временамъ къ пересмотру ихъ основныхъ идей и положеній въ виду результатовъ философской мысли, такъ и философія должна провѣрять свои положенія, руководясь выводами точныхъ наукъ.

Исторія интеллектуальнаго развитія человѣчества показываетъ, что съ самыхъ глубокихъ временъ и по настоящую пору философія была дѣятельною умственною силою. Побуждая къ мысли и обновляя ее, она особенно сильно вліяла во времена, обозначавшія собою начало новаго историческаго періода въ жизни человѣчества. Могучее вліяніе ея не всегда, правда, сознавалось въ самыя эти времена, но за то послѣ, когда успѣло совершиться то или другое обновленіе въ наукѣ или жизни, въ религіи или нравственныхъ понятіяхъ, государствѣ или обществѣ, выяснялось также, что философія участвовала въ этомъ своей работой тысячью незамѣтными путями, тихо и безпрестанно дѣйствуя и обновляя то здѣсь, то тамъ человѣческую мысль и жизненный строй. Въ этомъ смыслѣ Гегель совершенно правъ, говоря о созидающей силѣ философскихъ идей въ исторіи человѣчества. Неправильно оцѣниваютъ ея значеніе тѣ, которые полагаютъ, что философія подводитъ только итоги умственнымъ явленіямъ даннаго времени и вполнѣ подчинена этимъ явленіямъ. Это подведеніе итоговъ, какъ обобщеніе фактовъ и идей, есть только одна изъ ея разнообразныхъ обязанностей. Но и самымъ та-

кимъ обобщеніемъ она приноситъ значительную пользу. Концентрируя умственные лучи даннаго времени на одномъ существенномъ пунктѣ, она плодотворно вліяетъ, какъ на время, въ которое она возникаетъ, такъ даже на послѣдующія времена.

Задача философіи особенно важна *въ настоящее время*. Всюду, куда взглянемъ—борьба и несогласіе. Гордыя своими успѣхами и открытіями, естественныя науки дошли, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, по крайней мѣрѣ, до границъ, за которыми нѣтъ уже удобной почвы для ихъ изслѣдованій. Старая борьба между матеріалистическимъ и идеалистическимъ воззрѣніемъ вновь возгорѣлась. Никогда еще основы человѣческаго общества, собственность, семья, государство, не подвергались такимъ ожесточеннымъ нападкамъ, какъ теперь. Исторически унаслѣдованныя современныя понятія о правѣ и нравственности стоятъ точно воюющая сторона противъ угрозы, разрушить всѣ старыя общественныя основы и построить на ихъ развалинахъ новое идеальное государственное зданіе. Изстаринная вражда между вѣрой и знаніемъ, религіей и наукою заглохла, правда, съ теченіемъ времени, но вовсе не въ пользу улаженія самой вражды. Слѣдствіемъ этого является безпримѣрное смѣшеніе понятій, увеличивающееся еще отъ примѣси къ нему чисто политическихъ тенденцій.

Только философія въ ея стремленіи къ познанію общихъ началъ жизни и науки можетъ взять на себя задачу примиренія безчисленныхъ противорѣчій въ современномъ міровоззрѣніи.

Человѣческій разумъ уже цѣлыя тысячелѣтія трудится надъ разрѣшеніемъ міровыхъ загадокъ. Онъ дѣлалъ многочисленные опыты въ этомъ отношеніи. Наиболѣе ранніе являлись въ формѣ миѳическихъ и религіозныхъ ученій (теогоніи и космогоніи).

Философское мышленіе сливается въ нихъ съ дѣятельностью фантазіи, а мѣсто ясныхъ опредѣленныхъ умопредставленій занимаетъ въ нихъ поэтически-фантастическое творчество. *Методическое* мышленіе въ философскихъ теоріяхъ выступаетъ лишь послѣ совершеннаго устраненія изъ нихъ

миѳически-поэтической примѣси. Результаты этого мышленія сохранены въ философской литературѣ. Творенія философовъ не всѣ одинаковаго достоинства, конечно, и различаются другъ отъ друга какъ широтою сказывающагося въ нихъ міровоззрѣнія, такъ и глубиною мысли. Взятыя же вмѣстѣ, они представляютъ собою столько же великое, сколько и блестящее созданіе человѣческаго разума, лучами котораго нарушался мракъ цѣлыхъ тысячелѣтій. Исторія философіи имѣетъ своею задачею послѣдовательное изложеніе мыслей, заключающихся въ этихъ сочиненіяхъ, въ связи съ характеристикою временъ, къ которымъ онѣ относятся. Она должна разобрать громадный, едва обозримый матеріалъ, разобрать съ различныхъ точекъ зрѣнія, изъ коихъ самая важная та, которая касается связи философскихъ ученій съ умственнымъ и нравственнымъ характеромъ времени. Хотя не всякая философская система является точнымъ выраженіемъ умственнаго состоянія своего времени, но она все же настолько связана съ послѣднимъ различными нитями, что представляетъ неразрывную часть умственно-нравственной картины эпохи, въ которую возникла.

Въ развитіи всей философской мысли человѣчества явно выступаютъ три большія эпохи. Первая начинается около 7 вѣка до Р. Х. и кончается въ 5 вѣкѣ послѣ Р. Х. Она обнимаетъ всю греко-римскую философію. Характеристическая черта философіи этой эпохи заключается въ недостаткѣ метода и опредѣленныхъ правилъ для философскаго изслѣдованія, не смотря на ея стремленіе проникнуть во всѣ тайны бытія. Вторая эпоха обнимаетъ всѣ средніе вѣка. Два главныя направленія въ ней суть: христіанская схоластика и іудейско-арабская философія. Даже выдающіяся системы этой эпохи не могутъ быть причислены, впрочемъ, къ философіи въ строгомъ смыслѣ, такъ какъ въ нихъ господствуютъ начала, совершенно чуждыя свободному философскому изслѣдованію. Наконецъ, послѣдняя, третья эпоха — отъ реформаціи до настоящаго времени. Философія въ новѣйшемъ смыслѣ нашла свое полное выраженіе только въ послѣдніе четыре вѣка.

ГРЕКО-РИМСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Если древне-греческую эпоху принято называть юношескимъ вѣкомъ въ исторіи человѣчества, то эллины были безспорно геніальными юношами, ранніе труды которыхъ служатъ и нынѣ богатымъ умственнымъ источникомъ. Греки создали недосягаемые идеалы не только въ поэзіи и пластикѣ; имъ мы обязаны за основы математики и логики, за науку о государствѣ и педагогику, какъ и за начала естествознанія. Они были первымъ народомъ, который въ стараніи найти ключъ къ разгадкѣ міровыхъ тайнъ шелъ по направленію, свободному отъ теогоническихъ фантазій. Эта послѣдняя черта ихъ философскаго мышленія дала возможность философіи въ какія нибудь 4—5 столѣтій пройти многочисленныя фазы и выработала самыя основы для важнѣйшихъ философскихъ проблемъ.

Первые философскіе опыты греческихъ мыслителей совпадаютъ съ нѣкоторыми тогдашними обновительными стремленіями въ области мысли вообще.

Первое пробужденіе греческаго духа въ философіи началось у іонійскаго племени въ Малой Азіи. Здѣсь возникло свободное учрежденіе городовъ и, при матеріальномъ благосостояніи, ничто не мѣшало развитію въ нихъ самостоятельнаго мышленія, не стѣсненнаго никакимъ внѣшнимъ авторитетомъ. Философствующее мышленіе пробудилось здѣсь впервые около 600-хъ годовъ до Р. Х. Это было время всеобщаго возбужденія умовъ на Востокѣ, время появленія у индійцевъ Будды, у китайцевъ Кхунъ-цзы, у медоперсовъ Зороастра, время исторической жизни народовъ, которое справедливо сравниваютъ со второю половиною XV вѣка по Р. Х.: изобрѣтенію и распространенію нашего книгопечатанія соотвѣтствуетъ тогдашнее распространеніе и упрощеніе

письменности; нашимъ открытіямъ новыхъ странъ—ближайшее знакомство грековъ, именно іонійцевъ, съ другими народами, съ Египтомъ. Познакомившись съ астрономическими наблюденіями и исчисленіями восточныхъ народовъ, халдеевъ въ Вавилонѣ, а преимущественно египтянъ, любознательные умы обратили сперва свое вниманіе на небесныя тѣла, но вскорѣ перенесли свой взглядъ и на землю и хотѣли углубиться въ природу вообще. Естественно, что первые мыслители еще не могли совершенно отрѣшиться отъ тѣхъ понятій о природѣ, которыя болѣе и менѣе были въ ходу между ихъ современниками, но за то понятія, заимствованныя тогда въ ученомъ Египтѣ, не могли не послужить по крайней мѣрѣ возбужденіемъ духа къ болѣе самостоятельному, независимому отъ греческаго религіознаго авторитета вниканію въ природу; притомъ, и племенной характеръ іонійцевъ не могъ оставаться безъ вліянія на философствующее мышленіе, еще юное и не окрѣпшее. Извѣстно, что іонійцы во многомъ существенно отличались отъ дорической общины, среди которой возникло второе направленіе греческой философіи природы: способность поражаться внѣшними явленіями и событіями и склонность къ внѣшней жизни составляютъ отличительныя черты іонійскаго племени; это настроеніе его духа выразилось въ его поэзіи эпосомъ и въ общественной жизни измѣнчивою и непостоянною демократіею; оно же должно было выразиться и въ его философіи внѣшнимъ созерцаніемъ природы *).

Первые философскіе опыты грековъ слабы, но въ Гераклитѣ, Пиѳагорѣ, элеатахъ и атомистахъ греческая философія пріобрѣтаетъ уже значительную силу, а съ Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ она достигаетъ высшей точки своего развитія. Усовершенствованіемъ ея, болѣе внѣшнимъ, впрочемъ, является міровозрѣніе римскихъ стоиковъ и эпикурейцевъ. Христіанство вноситъ потомъ въ нее особыя перемѣны. Съ

---

*) О. Новицкій.—Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій нъ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. Кіевъ, 1860.— Замѣчательное сочиненіе, распространенное у насъ, къ сожалѣнію, въ гораздо меньшей степени, чѣмъ оно заслуживаетъ. *Прим. издателя.*

возникновеніемъ-же неоплатонизма, послѣ этого своеобразнаго смѣшенія древне-философскихъ и христіанскихъ идей, кончается эпоха древней греко-римской философіи.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ СОКРАТА.

Явленія природы въ ихъ безконечномъ разнообразіи вызвали пытливость греческаго ума. Но чѣмъ незначительнѣе были положительныя свѣдѣнія о свойствахъ природы, тѣмъ охотнѣе люди прибѣгали къ общимъ положеніямъ для ихъ объясненія. Вопросъ о первичныхъ причинахъ всего существующаго считался ближайшимъ философскимъ вопросомъ. Въ отвѣтѣ на него заключалась задача всѣхъ первыхъ философскихъ попытокъ, исходившихъ отъ такъ называемой іонійской школы.

ФИЗИКИ.

1. ѲАЛЕСЪ.

Древніе считали греческаго мудреца Ѳалеса основателемъ философіи. Первая попытка объяснить природныя явленія не сверхъестественными началами, а болѣе простыми, хотя-бы и самыми общими, видимыми причинами, есть, дѣйствительно, первая философская попытка. Ее сдѣлалъ Ѳалесъ.— Родомъ изъ Милета, греческой колоніи въ Малой Азіи, Ѳалесъ жилъ между 640—550 г. до Р. Х. О его жизни и дѣятельности существуютъ одни преданія. Въ этихъ преданіяхъ и въ сохранившихся изреченіяхъ Ѳалеса выражается, однако, общій духъ его ученія. Въ богатой греческой колоніи, имѣвшей обширныя торговыя сношенія, древне-греческій политеизмъ не вполнѣ удовлетворялъ умы. Первыя начала науки, проникнувъ туда изъ Египта, заронили сомнѣніе въ непреложности политеистической космогоніи и вызвали попытки болѣе разумнаго объясненія природы. Обративъ вниманіе на великую созидающую силу воды на ряду съ ея разрушительнымъ дѣйствіемъ, о которомъ сообщаютъ преданія о потопахъ, Ѳалесъ пришелъ къ мнѣнію, что вода и есть начало всего существующаго во вселенной. Изъ воды, говоритъ Ѳалесъ, произошло все, и все опять превратится въ воду.

По поводу этого, повидимому, вполнѣ наивнаго замѣчанія о происхожденіи всего существующаго отъ воды извѣстный англійскій мыслитель *) приводитъ слѣдующія соображенія: «Θалесъ думалъ, что началомъ всему существующему служитъ вода. Съ перваго взгляда это положеніе можетъ показаться нелѣпостью, которая будетъ встрѣчена съ сострадательною улыбкою, причемъ улыбающійся подумаетъ, что невозможно, чтобъ *онъ* когда нибудь повѣрилъ подобной безсмыслицѣ. Но серьезный ученый не рѣшится обвинять опрометчиво своихъ предшественниковъ въ такой явной и очевидной нелѣпости. Исторія философіи есть, можетъ быть, исторія заблужденій, но никакъ не исторія безразсудства. Всѣ распространившіяся системы имѣютъ богатый содержаніемъ смыслъ, иначе онѣ не распространились-бы. Смыслъ этотъ соотвѣтствуетъ понятіямъ эпохи и потому заслуживаетъ вниманія. Θалесъ былъ одинъ изъ необыкновеннѣйшихъ людей, когда либо живнихъ, и произвелъ громадный переворотъ. Такой человѣкъ не высказалъ бы философской мысли, которую въ состояніи опровергнуть каждый ребенокъ. Въ этой мысли заключался глубокій смыслъ, по крайней мѣрѣ для него. Въ особенности имѣла глубокое значеніе попытка открыть начало всѣхъ вещей. Постараемся проникнуть самую суть его мысли; постараемся прослѣдить какъ она возникла и развилась въ его умѣ.

Характеристику философскаго ума составляетъ способность приводить всевозможныя разнообразія къ одному началу. Какъ религіозное міросозерцаніе есть неизбѣжное стремленіе отъ политеизма идти къ монотеизму, обобщая всѣ сверхестественныя силы и сводя ихъ въ одно выраженіе, такъ точно первоначальное философское мышленіе клонилось къ подведенію всевозможныхъ способовъ существованія подъ одно обобщеніе *бытія*.

Размышляя объ устройствѣ вселенной, Θалесъ необходимо долженъ былъ поставить себѣ задачею отыскать единое начало, первоначальный фактъ, *субстанцію*, которой видоизмѣненіями суть всѣ отдѣльныя существа. Видя вокругъ себя

*) Льюисъ, Исторія философіи.

постоянныя превращенія, рожденіе и смерть, перемѣны образа вида и рода существованія онъ никакъ не могъ принимать эти измѣнчивыя состоянія за само бытіе. Поэтому онъ задалъ себѣ вопросъ: «Что есть неизмѣнное бытіе, котораго преходящими состояніями есть всѣ вещи. Однимъ словомъ, что есть *начало* вещей?»

Задать такой вопросъ значило начать эру философскаго мышленія. До сихъ поръ люди довольствовались тѣмъ, что принимали міръ, какъ онъ есть, вѣрили въ то, что видѣли, и поклонялись тому, чего не могли видѣть.

Ѳалесъ почувствовалъ всю жизненность вопроса о началѣ вещей.

Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя, и результатомъ его размышленій явилось убѣжденіе, что начало всего есть *влага*.

Эта идея поразила его при изученіи устройства земли. Здѣсь онъ нашелъ всюду влажность. Онъ замѣтилъ, что всѣ предметы питаются влагой, и объявилъ, что сама теплота происходитъ отъ влаги. Сѣмена всѣхъ вещей влажны. Вода, сгустившись, становится землею. Убѣдившись такимъ образомъ въ повсемѣстномъ присутствіи воды, Ѳалесъ объявилъ воду началомъ вещей. Онъ принялъ это мнѣніе тѣмъ охотнѣе, что оно согласовалось съ древнѣйшими воззрѣніями. Такъ, напр., въ теогоніи Гезіода, Океанъ и Ѳетида считаются родоначальниками всѣхъ божествъ, имѣющихъ какое-нибудь отношеніе къ природѣ· «Онъ пытался сдѣлать для народной религіи то, что до того времени было загадочно.» Это обстоятельство и опредѣляетъ мѣсто Ѳалеса въ философіи. Аристотель называетъ его человѣкомъ, попытавшимся впервые найти физическое начало безъ посредства миѳовъ. Шагъ, сдѣланный Ѳалесомъ, имѣлъ дѣйствительно двоякія послѣдствія: во первыхъ, онъ открылъ начало, *primam materiam*, первое вещество всѣхъ вещей; во-вторыхъ, изъ всѣхъ стихій онъ выбралъ самую могучую и вездѣсущую. Для человѣка, знакомаго съ исторіей человѣческаго ума, оба эти понятія равносильны началу совершенно новой эры».

2. АНАКСИМЕНЪ.

Анаксименъ, тоже уроженецъ Милета, жившій въ 6 столѣтіи до Р. Х. шелъ тѣмъ-же путемъ, что и Ѳалесъ, въ объясненіи первичныхъ основаній всей природы, но почелъ за первичную основу не воду, а воздухъ, облекающій собою всю землю и всѣ остальные міры. Отъ сгущенія и разжиженія воздуха произошли, по его словамъ, огонь, вѣтеръ, облака и земля. Только воздухъ можетъ быть началомъ всего живущаго, такъ какъ безъ него ничто живущее не можетъ существовать и должно погибнуть. Онъ изучилъ свойства воздуха при различныхъ пріемахъ дыханія и нашелъ, что свойства эти различны и производятъ впечатлѣнія то холода, то тепла, смотря по тому, будетъ ли воздухъ сгущенный или разрѣженный. Онъ руководился слѣдовательно въ своихъ возрѣніяхъ нѣкоторыми наблюденіями надъ природными явленіями. Въ этихъ наблюденіяхъ, какъ ни элементарны онѣ сами по себѣ, сказывается продолженіе дѣйствительнаго философствованія надъ природой, начало котораго положено было Ѳалесомъ. Онъ соединялъ понятіе о воздухѣ съ понятіемъ о жизненной силѣ, способной къ безконечнымъ измѣненіямъ. Вслѣдствіе разжиженія произошелъ при образованіи міра огонь, а вслѣдствіе сгущенія—вѣтеръ и облака. Усиливавшееся сгущеніе дало воду, отъ которой произошли, при образованіи міра, земля и всѣ земные предметы. Благодаря своему представленію о воздухѣ, какъ о вездѣсущей жизненной силѣ, Анаксименъ отожествлялъ весь міръ съ великимъ оживленнымъ организмомъ.

Ученіе Анаксимена о воздухѣ болѣе подробно развилъ его послѣдователь Діогенъ изъ Аполлоніи, городѣ на островѣ Критѣ, жившій въ 5 столѣтіи до Р. Х. Соединяя, какъ и Анаксименъ, понятіе о воздухѣ съ понятіемъ о жизни, онъ придалъ воздуху еще и другое качество, именно, качество интеллектуальной, умственной силы. Воздухъ производитъ не только жизнь со всѣми ея свойствами, но и направляетъ все живущее, направляетъ какъ движущая умственная сила, какъ

умъ. Въ этомъ смыслѣ воздухъ являлся Діогену Аполлонскому первичною основою вселенной во всѣхъ ея частяхъ и во всѣхъ даже наиболѣе сложныхъ проявленіяхъ.

Ученіями Ѳалеса, Анаксимена и Діогена изъ Аполлоніи резюмируются первыя древне-греческія попытки философствованія на началахъ физики преимущественно. Одновременно съ ними жили и представители другого направленія въ объясненіи первичныхъ основъ міровыхъ явленій.

Этими представителями были предшественникъ пиѳагорейцевъ, Анаксимандръ, самъ Пиѳагоръ и его послѣдователи.

МАТЕМАТИКИ.

1. АНАКСИМАНДРЪ.

Анаксимандръ, тоже изъ Милета, пользовался въ древности большою популярностью. Древніе считали его то другомъ, то ученикомъ Ѳалеса. Съ его именемъ связываютъ изобрѣтеніе солнечныхъ часовъ и черченіе географическихъ картъ.

Онъ, какъ полагаютъ, первый употребилъ слово *начало* въ смыслѣ первой сущности вещей. Онъ опредѣлялъ это начало, какъ «вѣчную, безконечную, неопредѣленную основу, изъ которой все происходитъ и въ которую все возвращается по порядку временъ». Онъ училъ, что это начало обнимаетъ собою всѣ сферы вселенной и управляетъ ими, и, составляя основу всего опредѣленнаго, конечнаго и измѣнчиваго, само безконечно и неопредѣленно. Онъ называетъ въ тоже время началомъ вещей тонкую матерію, которую онъ отказывается опредѣлить болѣе точно и означаетъ только словомъ *безграничное*. Эта всеобщая матерія есть начало неба и міровъ, его наполняющихъ. Все существующее происходитъ изъ этого перваго начала, и въ часъ, назначенный судьбою, каждая вещь должна возвратить дарованную ей жизнь въ первоначальный источникъ для того, чтобъ эта жизнь круговращала и переходила въ новыя существа. Трудно сказать, что разумѣется у Анаксимандра подъ этою первоначальною сущностью. Она не была ни однимъ изъ четырехъ обыкновен-

ныхъ элементовъ, но также не была и чѣмъ-то нематеріальнымъ, или невещественнымъ. Вѣроятно, Анаксимандръ имѣлъ въ мысли первичную матерію, еще не раздѣлившуюся на опредѣленные элементы, матерію, какъ химическое безразличіе нашихъ теперешнихъ элементарныхъ противоположностей. Изъ антитезы между теплымъ и холоднымъ, между сухимъ и влажнымъ, не существующими въ первобытномъ хаосѣ, въ которомъ все нейтрализовано, образуется постепенно природа со всѣми своими контрастами, различными качествами и отдѣльными элементами. Первоначальная противоположность замѣчается съ одной стороны между теплымъ и сухимъ, съ другой же между холоднымъ и влажнымъ; первое сконцентрировано въ землѣ, второе—въ окружающемъ его небѣ. Земля представляетъ собою цилиндрическое тѣло, носящееся свободно въ безконечномъ эѳирѣ и сохраняющее равновѣсіе вслѣдствіе одинаковаго разстоянія отъ всѣхъ остальныхъ небесныхъ тѣлъ. Существуетъ безконечное число міровъ, которые послѣдовательно возникаютъ и гибнутъ *).

Въ ученіи Анаксимандра сказывается первая попытка чисто отвлеченнаго философствованія. Мѣсто физическихъ стихій Ѳалеса или Анаксимена занимаетъ у него отвлеченное понятіе о первичной силѣ. Многіе видятъ въ этой попыткѣ Анаксимандра начало освобожденія человѣческаго ума отъ грубаго эмпиризма, связаннаго съ политеистическими представленіями о природѣ.

2. ПИѲАГОРЪ.

Считаютъ, что Пиѳагоръ первый ввелъ въ употребленіе слово *«философъ»* и по этому поводу древніе историки сохранили слѣдующій разсказъ: Когда Пиѳагоръ находился въ Пелопонесѣ, его спросили однажды, какое у него ремесло: «У меня нѣтъ ремесла», отвѣтилъ онъ, «я философъ» другъ мудрости. Спросившій слышалъ въ первый разъ это слово

---

*) А. Веберъ, Исторія европейской философіи, а также А. Швеглеръ, Исторія философіи.

и пожелалъ узнать, что оно означаетъ. На это Пиѳагоръ отвѣчалъ: Жизнь наша похожа на олимпійскія игры: одни изъ участниковъ на нихъ ищутъ славы и вѣнковъ; другіе—наживы посредствомъ торговли; третьи же, благороднѣе тѣхъ, идутъ на эти игры не ради наживы и не ради славы, а только затѣмъ, чтобы видѣть или испытать происходящее тамъ. Точно также всѣ люди оставляютъ мѣсто своего происхожденія—небо и приходятъ на землю, гдѣ тоже многіе трудятся для наживы, и только немногіе дѣлаютъ своимъ призваніемъ пониманіе міра, не думая о наживѣ и не заботясь о своемъ тщеславіи. Эти немногіе и суть философы. И подобно тому, какъ нѣтъ благороднѣе безкорыстнаго и безпристрастнаго зрителя на олимпійскихъ играхъ, такъ и въ жизни нѣтъ занятія болѣе благороднаго, чѣмъ размышленіе надъ явленіями міра, размышленіе «философское».

Древніе писатели, часто, впрочемъ, оспариваемые и другъ другу противорѣчащіе, сообщаютъ слѣдующія черты изъ жизни знаменитаго основателя пиѳагорейскаго ученія, Пиѳагора. Онъ родился на островѣ Самосѣ, въ городѣ того-же имени, въ 569 году до Р. Х. Его отецъ Мнеархъ, выходецъ, по однимъ изъ Лемноса, а по другимъ изъ Фліунта, въ Пелопонесѣ, былъ богатый купецъ, на собственныхъ карабляхъ производившій торговлю съ Финикіей и Сициліей. Самосъ, подобно Милету, обязанъ былъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ преимущественно своей торговлѣ съ Египтомъ. Самосъ, Милетъ и Эгина были три города, особенно благопріятствуемые египетскими царями и имѣли свои собственныя поселенія въ Египтѣ. И не только цвѣтущимъ состояніемъ своей торговли, но и своимъ искусствомъ самосцы обязаны были сношенію съ Египтомъ: знаменитые ихъ художники, Ѳеодоръ и Телеклъ, образовались въ Египтѣ и перенесли египетское искусство на греческую почву. Юность Пиѳагора совпадала съ блестящею эпохою культуры его отечественнаго города. Поэты, какъ Ивикъ и позже Анакреонъ, ваятель—Ѳеодоръ жили тогда при дворѣ Поликрата, образованнаго властителя Самоса, собравшаго у себя огромную библіотеку. Первое свое образованіе, состоявшее по тогдашнему греческому обычаю

въ чтеніи поэтовъ и изученіи музыки, Пиѳагоръ получилъ въ своемъ отечествѣ у самосца Гермодама.

На 18-мъ году Пиѳагоръ рѣшился искать высшаго образованія внѣ своего отечества. Въ это время, т. е. въ 551 году до Р. Х. могли особенно привлекать къ себѣ его вниманіе Ѳалесъ, Анаксимандръ и славившійся своимъ умомъ Ферекидъ,—всѣ трое не вдалекѣ отъ Самоса. Ферекидъ жилъ тогда на о. Лесбосѣ. Сюда-то прежде всего обратился Пиѳагоръ и здѣсь усвоилъ себѣ то религіозное направленіе въ духѣ египетскихъ вѣрованій, которое всему ученію Пиѳагора сообщило въ послѣдствіи такой особенный отпечатокъ. Отъ Ферекида въ 549 г. до Р. Х. двадцатилѣтній Пиѳагоръ отправился въ Милетъ къ Анаксимандру и Ѳалесу. Анаксимандръ познакомилъ его съ своими понятіями о природѣ, а Ѳалесъ, удивлявшійся превосходству его предъ всѣми другими юношами, между прочимъ совѣтовалъ ему отправиться въ Египетъ, особенно къ жрецамъ Мемфиса и Діосполиса (Ѳивъ), чтобы египетскую науку почерпнуть изъ самаго источника. Около 548 г. Пиѳагоръ отправился въ Финикію и именно въ Сидонъ, гдѣ сблизился съ жрецами, потомками Моха, которые открыли ему древне-финикійское природосозерцаніе. Кромѣ того, онъ посвященъ былъ въ значительнѣйшія мистеріи Финикіи въ Библосѣ, Тирѣ и т. д. и это онъ дѣлалъ, по увѣренію одного писателя, не изъ суевѣрія, но изъ любознательности и опасенія, чтобы отъ него не ускользнуло что-либо достойное знанія въ поклоненіи богамъ.

Изъ Финикіи Пиѳагоръ прибылъ въ Египетъ, сначала въ Навкротисъ—средоточіе греческой торговли, потомъ въ Мемфисъ, столицу Египта и резиденцію Амазиса. Здѣсь онъ не ограничился тѣми только свѣдѣніями, какія могъ пріобрѣсть посредствомъ переводчиковъ, а хотѣлъ самъ участвовать въ наукѣ египетскихъ жрецовъ. Такъ какъ доступъ къ этому источнику знанія былъ необыкновенно труденъ, особенно для иностранца, по понятію египетскихъ жрецовъ нечистаго, то Пиѳагоръ обратился къ покровительству Поликрата. Вѣроятно чрезъ посредство своего отца, онъ просилъ властителя Самоса, написать письмо къ его союзнику и другу, царю Ама-

зису о разрѣшеніи доступа въ училище жрецовъ. Съ письмомъ Поликрата Пиѳагоръ обратился къ Амазису и царь дѣйствительно исполнилъ его желаніе, давъ ему съ своей стороны письмо къ жрецамъ. Три города были преимущественнымъ мѣстомъ пребыванія жрецовъ: Ѳивы и Мемфисъ, какъ столицы, древняя и новая и Геліополь, какъ особая резиденція жрецовъ. Въ каждомъ изъ трехъ этихъ городовъ была жреческая коллегія и жреческія школы, нѣчто въ родѣ жреческихъ университетовъ. Пиѳагоръ обратился къ жрецамъ Геліополя, но они отослали его къ жреческой коллегіи Мемфиса, какъ древнѣйшей; но и жрецы Мемфиса рекомендовали ему обратиться къ жреческой коллегіи въ Ѳивахъ, какъ самой древней и наиболѣе славившейся ученостью. Тамъ Пиѳагоръ охотно подвергнулся всѣмъ самымъ тяжкимъ условіямъ испытанія, чѣмъ возбудилъ къ себѣ удивленіе и настолько пріобрѣлъ любовь жрецовъ, что они не только допустили его къ ученію, но и формально приняли въ свое сословіе— что, кромѣ него, не было сдѣлано ни для одного иностранца. Наставникомъ Пиѳагора былъ верховный жрецъ, Сонхисъ, который не только изустно обучалъ его наукамъ, но и открылъ ему жреческую литературу. При такихъ условіяхъ онъ легко ознакомился со всѣмъ кругомъ жреческой науки, съ египетскою теологіею и космологіею, юриспруденціею и медициною, астрономіею и астрологіею, математикою и вѣковыми преданіями историческими; но во всемъ этомъ особенно привлекало его, кромѣ математики, идеи о Богѣ и мірѣ, какъ о единомъ существѣ. Уже здѣсь, въ Ѳивахъ, по египетскимъ источникамъ, по священнымъ книгамъ жрецовъ, онъ началъ писать свое знаменитое сочиненіе «*Завѣты*», которое послѣ положено было въ основу религіознаго ученія въ его школѣ. По всему, что дошло до насъ объ этомъ сочиненіи, видно его происхожденіе изъ Египта. Оно содержало обширное изложеніе египетскаго вѣроученія, съ его теогоніею и космогоніею. Въ этихъ занятіяхъ Пиѳагоръ прожилъ въ Египтѣ полныхъ 22 года, съ 22-хъ до 44-хъ лѣтъ своей жизни, съ 547 до 525 г. до Р. Х. Это были послѣдніе 22 года царствованія Амазиса и вмѣстѣ послѣдніе годы полити-

ческой самостоятельности египетскаго государства. Уже Киръ, покоривши Малую Азію, а затѣмъ Вавилонъ съ его провинціями, Финикіею и Сициліею, угрожалъ Египту, но въ несчастномъ походѣ противъ Массагетовъ въ 530 г. до Р. Х. умеръ. Сынъ его и наслѣдникъ, Камбизъ, слѣдуя планамъ отца, въ 526 г. до Р. Х., вскорѣ по смерти Амазиса, когда его наслѣдникъ Псамминитъ едва полгода пробылъ на престолѣ, напалъ на Египетъ, низвелъ его царя съ престола и поработилъ страну. Тогда тысячи египтянъ и особенно жрецовъ, по древней политикѣ азіатскихъ завоевателей, должны были переселиться изъ своего отечества въ Сузу и Вавилонъ. Въ числѣ этихъ изгнанниковъ находился и Пиѳагоръ, которому пришлось раздѣлять участь египетскихъ жрецовъ, въ сословіе которыхъ онъ былъ принятъ: онъ, какъ плѣнникъ, отведенъ былъ въ Вавилонъ.

Вавилонъ былъ не только средоточіемъ азіатской торговли, но и мѣстомъ древняго, высоко развитаго духовнаго образованія. Хранителями его, какъ у египтянъ и другихъ азіатскихъ народовъ, было особенное сословіе жрецовъ, прежде туземныхъ, вавилонскихъ, а позже, подъ халдейскою династіей—халдейскихъ, собственно маговъ, т. е. жрецовъ, обыкновенно по имени ихъ народа называемыхъ халдеями. Наука халдеевъ, магія, въ древнѣйшемъ значеніи этого слова, обнимала не только теологію, юриспруденцію и медицину, но и начатки естествознанія, особенно математику и астрономію, съ которою соединялась и астрологія въ разнообразномъ приложеніи къ жизни. Какъ древни были у нихъ астрономическія наблюденія, видно изъ того, что при Александрѣ Великомъ они простирались уже за 720 лѣтъ и, по свидѣтельству Плинія, начертаны были на выжженныхъ кирпичахъ. Это извѣстіе долго считалось баснею, но въ новѣйшее время, при раскопкахъ въ Месопотаміи, оно подтвердилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ Ниневіи, Вавилонѣ, Орхоэ, по словамъ ученаго Опперта, такихъ глиняныхъ плитъ открыто множество; на нихъ писали, пока онѣ были мягки, а потомъ обжигали ихъ на солнцѣ, или на огнѣ. Одинъ залъ, откопанный въ Ниневіи, содержитъ въ себѣ цѣлую библіотеку, со-

ставленную изъ такихъ плитъ, перевезенныхъ теперь въ британскій музей. Начатая дешифрировка ихъ показала, что онѣ составляли публичную библіотеку и собраны по повелѣнію послѣдняго ниневійскаго царя Сарданапала въ половинѣ VII стол. до Р. Х., за нѣсколько лѣтъ до кончины этого царя. Разные ученые отдѣлы этой библіотеки отличаются между собою цвѣтомъ плитъ, чернымъ, сѣрымъ, голубоватымъ, фіолетовымъ, краснымъ, желтымъ, каштановымъ, бѣлымъ. Въ числѣ ихъ замѣчателенъ, между прочимъ, отдѣлъ грамматическій, изъ котораго открывается, что Ассирійцы въ 7-мъ столѣтіи до Р. Х. имѣли уже древнѣйшую литературу, которой письмена и языкъ не были уже общепонятными и требовали для ихъ уразумѣнія учено-филологическихъ, грамматико-лексикальныхъ объясненій. И халдеи, подобно египетскимъ жрецамъ, имѣли свои училища, частію въ Вавилонѣ, частію въ Гиппаренѣ и Орхоэ. Когда послѣ Александра Великаго въ Азіи распространился греческій языкъ, то нѣкоторые изъ халдейскихъ ученыхъ писали по гречески, такъ Берозъ изъ Вавилона, Селевкъ изъ Селевкіи и др.

Слѣдовательно, наука здѣсь была не только древняя, но и продолжалась до позднѣйшихъ временъ. Пиѳагоръ пробылъ въ Вавилонѣ 12 лѣтъ и въ это время, по свидѣтельству древнихъ, сблизился съ халдеями, или магами и изучилъ ихъ богопоклоненіе, астрономію, математику и медицину. Тамъ-же Пиѳагоръ сошелся съ Зороастромъ и пользовался его наставленіями. Такъ какъ Зороастръ родился въ 599 году до Р. Х. и умеръ 77 лѣтъ, за 522 г. до Р. Х., то хронологія вовсе не противорѣчитъ этимъ свидѣтельствамъ; даже очень вѣроятно, что по неудачномъ окончаніи похода Кира противъ скиѳовъ и массагетовъ и по разореніи ими Бактріи, гдѣ жилъ Зороастръ, онъ ушелъ въ Вавилонъ, какъ столицу персидскаго государства, которому Бактріана принадлежала, какъ покоренная провинція. Здѣсь же, въ Вавилонѣ, Пиѳагоръ могъ встрѣтиться и съ браминами т. е. индійскими жрецами, о чемъ упоминаютъ древніе писатели. Впрочемъ, Пиѳагоръ остался при египетскомъ вѣроученіи, съ которымъ давно уже свыкся,

съ молодыхъ лѣтъ, а отъ Зороастра онъ заимствовалъ только часть идей о внѣшнемъ богослуженіи и у браминовъ—нѣкоторыя понятія о душѣ.

Пиѳагоръ, какъ государственный плѣнникъ, могъ получить разрѣшеніе возвратиться въ отечество только отъ самого персидскаго царя, къ чему и представилось благопріятное обстоятельство: при Поликратѣ Младшемъ, тиранѣ самосскомъ, былъ придворнымъ докторомъ Демокедъ изъ Кротона. Когда намѣстникъ Лидіи Орэтъ хитростью заманилъ Поликрата въ Іонію и распялъ его на крестѣ (522 года до Р. Х.), то Демокедъ взятъ былъ въ плѣнъ; но когда и Орэтъ за возмущеніе противъ Дарія былъ умерщвленъ, то Демокедъ съ другими домочадцами Орэта въ цѣпяхъ приведенъ былъ въ Сузу. Здѣсь Дарій, услыхавши о высокомъ врачебномъ искусствѣ плѣнника, освободилъ его изъ цѣпей и поручилъ ему леченіе своей ноги, вывихнутой на охотѣ, чему не могли пособить египетскіе врачи. По счастливомъ исходѣ этого леченія Демокедъ сдѣланъ былъ придворнымъ врачемъ и осыпанъ царскими милостями. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, именно въ 513 году до Р. Х. Демокедъ получилъ позволеніе возвратиться на родину и испросилъ у царя освобожденіе своего соотечественника Пиѳагора, который такимъ образомъ послѣ 12 лѣтняго пребыванія въ Вавилонѣ, въ 513 году, на 56 году своей жизни, возвратился въ свой отечественный городъ Самосъ.

Послѣ долговременна́го отсутствія Пиѳагоръ нашелъ важныя перемѣны въ Греціи. Самою цвѣтущею и могущественною частію Греціи не были уже іонійскіе города; они подпали персидскому владычеству и управлялись тиранами, которыхъ назначалъ «великій царь». Мѣсто іонійскихъ городовъ, по значенію и богатству, заняли греческія колоніи въ нижней Италіи и Сициліи и получили названіе великой Греціи; ни одинъ городъ собственно такъ называемой Греціи, не исключая Аѳинъ, не могъ въ это время равняться могуществомъ и богатствомъ съ такими городами, какъ Сибарисъ, Кротонъ, Сиракузы, Агригентъ. Въ Самосѣ Пиѳагоръ засталъ еще въ живыхъ обоихъ своихъ наставниковъ, Гер-

модама и Ферекида, тогда какъ Ѳалесъ и Анаксимандръ умерли уже около 30 лѣтъ до этого времени. Ферекидъ, пораженный тяжкою болѣзнію, приближался уже тоже къ гробу.

Такова была, согласно древнимъ извѣстіямъ, жизнь Пиѳагора *). Въ философію Пиѳагора, понимаемую имъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, какъ «любовь къ мудрости», входили самыя разнообразныя науки: математика, сферика астрономія, оптика, географія, космогонія, космологія и символика чиселъ. Но новѣйшему понятію о философіи соотвѣтствуютъ только его *ученіе о природѣ* и его *символика чиселъ*, какъ имѣющія преимущественно философское содержаніе.

«Первоначаломъ сущаго»—говоритъ Аристотель—пиѳагорейцы полагали *безконечное* и понимали его, не какъ свойство какого-либо вещества, но какъ самостоятельную субстанцію, и притомъ такую, которая принадлежитъ къ области чувственно-наблюдаемаго. Какимъ образомъ это безконечное принадлежитъ къ чувственно-наблюдаемому, видно изъ другого мѣста у Аристотеля, гдѣ сказано: «пиѳагорейцы принимали самостоятельное существованіе *безконечнаго пространства* и учили, что это пространство, иначе безконечный духъ, изъ безконечнаго проникаетъ въ небесный сводъ, въ міровой шаръ; послѣдній втягиваетъ въ себя безконечное, какъбы вдыхаетъ его. Это пространство ограничиваетъ существа, образуетъ обособленія и въ такомъ смыслѣ безконечное пространство, разграничивающее предметы всего міра, есть первичная основа чиселъ въ ихъ отношеніи къ предметамъ». Безконечное пространство является такимъ образомъ чувственно-наблюдаемымъ: наблюдая раздѣленіе видишь вмѣстѣ сущность безконечнаго. Эта мысль касательно видимости безконечнаго выражена была вь «Завѣтахъ» Пиѳагора: Одно безконечное пространство есть основа вселенной; изъ него одного происходитъ все сотворенное, и въ немъ, въ сотворенномъ, является оно опять, становясь наблюдаемымъ и познаваемымъ, хотя сущности его самаго никто изъ смертныхъ не въ состояніи видѣть.

---

*) Новицкій. О постепенномъ развитіи философскихъ идей.

Дальнѣйшее понятіе о безконечномъ можно извлечь еще изъ слѣдующихъ замѣчаній Аристотеля. По ученію Пиѳагора, говоритъ онъ, небесный сводъ, міровой шаръ, изъ безконечнаго втягиваетъ въ себя *время*, *жизнь* и *пространство*, опредѣляющее мѣста и границы вещей. Но если міръ изъ безконечнаго втягиваетъ въ себя время, жизнь и пространство, то значитъ, что время, жизнь и пространство уже существуютъ въ безконечномъ, какъ его существенныя принадлежности. И въ другомъ мѣстѣ говорится, что *время* «есть часть всеобъемлющаго», т. е. безконечнаго, или иначе, принадлежитъ къ сферѣ безконечнаго, какъ вѣчно существующаго. Что же касается того свойства въ безконечномъ, которое выражается жизнью въ природѣ, то это есть не что иное, какъ смѣшеніе *эфира* или *духа* съ разрѣженнымъ основнымъ веществомъ въ природѣ, или первоматеріею. Итакъ безконечное въ «Завѣтахъ», есть соединеніе духа, матеріи, пространства и времени.

По ученію Пиѳагора, міръ имѣлъ начало и произошелъ извнутри безконечнаго, изъ его первичныхъ элементовъ. Едва образовался первый зародышъ міроваго шара, то тотчасъ присоединилась къ нему ближайшая часть безконечнаго и, ограничивъ его, сдѣлала конечнымъ, какимъ является міровой шаръ. Присоединилась же не только часть первоматеріи, но и пространство, которое, расторгнувъ матерію на отдѣльныя массы, наполнило собою разстоянія между ними и тѣмъ опредѣлило имъ постоянныя мѣста. Въ первый міровой зародышъ проникъ эфиръ, который круговымъ самодвиженіемъ своимъ сообщилъ круговоротъ всѣмъ космическимъ тѣламъ, и время, въ конечномъ мірѣ, само сдѣлавшись конечнымъ и преходящимъ, сдѣлало преходящими и всѣ предметы міра.

Далѣе, по ученію Пиѳагора, міръ не есть только матеріальное, но и одушевленное тѣло, такъ какъ одушевленность есть одно изъ качествъ безконечнаго, части котораго соединились съ міромъ.

Происхожденіе міра, по ученію Пиѳагора, соединено съ дѣйствіемъ *пятой стихіи,* т. е. эфира, приводящаго въ движеніе міровой шаръ. Остальныя стихіи, кромѣ эфира, суть

что боги родились, что они образовались подобно имъ, и, схожіе съ ними, имѣютъ ихъ одежду, голосъ и образъ. Оттого Ѳракійцы изображаютъ своихъ боговъ голубоглазыми и бѣлокурыми, а Эѳіопы—курносыми и черными. Мидяне, Персы, Египтяне и другіе народы также по своему образу представляютъ боговъ. А Гомеръ и Гезіодъ,—большею частію воспѣвая нечестивыя дѣла боговъ,—приписали имъ все, что и у людей считается позоромъ и безчестіемъ, воровство, прелюбодѣяніе и взаимный обманъ. Но еслибъ быки, или львы имѣли руки и могли ими писать и выполнять работы, какъ люди, то они писали бы образы боговъ и изображали бы ихъ тѣла въ той формѣ, какую имѣютъ они сами. Лошади—въ видѣ лошадей, а быки въ видѣ быковъ».

Во всѣхъ своихъ сатирахъ онъ борется съ заблужденіями современниковъ, которые приписываютъ Божеству человѣческій образъ, человѣческія наклонности и страсти. Переходя съ мѣста на мѣсто, какъ рапсодъ, декламировавшій народу поэмы, онъ старался разсѣять вѣру въ фантастическія существа, обоготворенныя Гомеромъ, Гезіодомъ и греческимъ народомъ. Вмѣсто этихъ воображаемыхъ существъ, училъ онъ, будемъ почитать единое и безконечное существо, которое носитъ насъ на своемъ лонѣ, которое не было рождено, никогда не будетъ разрушено, которому чужды перемѣны и происхожденіе. Допускающіе происхожденіе боговъ, поступаютъ также неразумно, какъ тѣ, которые отрицаютъ бытіе Божества.

«Богъ *одинъ*—онъ не походитъ на смертныхъ ни тѣломъ, ни мыслію».

Міръ онъ представлялъ себѣ какъ единое цѣлое. Конечно, намъ кажется, училъ онъ, все видимое нами разнообразнымъ и во множествѣ, но это есть только слѣдствіе свойствъ нашихъ чувствъ. Разумъ-же нашъ долженъ представлять себѣ все въ видѣ единичномъ, такъ какъ міръ, вмѣстѣ взятый, есть абсолютное цѣлое, непремѣнно само себѣ равное, стало быть—и безъ измѣненій, производящихъ на насъ впечатлѣніе разнообразія.

Понятіе свое о единомъ мірѣ онъ сливалъ съ понятіемъ о единомъ Богѣ. Но его монотеизмъ не соотвѣтствовалъ, впрочемъ, нашимъ идеямъ о единомъ Божествѣ. Борясь противъ политеизма, онъ возставалъ только противъ обожествленія его современниками *многихъ* силъ природы и въ противоположность имъ распространялъ самъ идею о единомъ божествѣ въ смыслѣ единаго, цѣльнаго міра. Великій мыслитель классическихъ временъ, боровшійся съ вѣковыми предразсудками, самъ стоялъ только на точкѣ зрѣнія пантеизма.

Въ идеѣ міроваго единства онъ видѣлъ наиболѣе совершенный философскій принципъ, и внесъ признаніемъ этого принципа много свѣта въ философскія попытки послѣдующихъ поколѣній. Онъ первый ввелъ также въ философское мышленіе идею о скептицизмѣ, о сомнѣніи, такъ какъ онъ училъ, что нашъ разумъ, легко подпадая заблужденіямъ, можетъ только приближаться къ истинѣ, но не познать ее всю. Много разъ потомъ эта мысль, впервые высказанная Ксенофаномъ, повторяется въ исторіи человѣческаго мышленія.

2. ПАРМЕНИДЪ.

Главою элеатской школы должно считать однако Парменида изъ Элеи, ученика Ксенофана. Согласно извѣстію Діогена Лаэрція, Парменидъ происходилъ изъ знатнаго рода. Онъ родился въ Элеѣ въ 518 году до Р. Х. Объ образованіи, имъ полученномъ, существуетъ мало извѣстій. Полагаютъ, что въ юности онъ сошелся съ пиѳагорейцами и что потомъ онъ познакомился съ Ксенофаномъ и сдѣлался его послѣдователемъ. Уже въ зрѣломъ возрастѣ Парменидъ прибылъ въ Аѳины въ сопровожденіи своего соотечественника и ученика Зенона и тамъ встрѣтилъ почетный пріемъ, благодаря своей славѣ, какъ мыслителя. Сократъ, познакомившійся съ нимъ, хвалитъ глубину его мысли, Платонъ и Аристотель говорятъ о немъ съ уваженіемъ. Образъ жизни Парменида считался въ древности образцомъ нравственной чистоты и строгости, такъ что выраженіе «жить какъ Парменидъ»,

употреблялось въ смыслѣ безукоризнено-нравственной человѣческой жизни.

Парменидъ не признаетъ другого способа познанія истины, какъ мышленіе à priori, чистое мышленіе, метафизическое въ новѣйшемъ смыслѣ. Онъ изложилъ свое ученіе въ одномъ эпическомъ произведеніи. Это сочиненіе раздѣлялось на двѣ части; въ первой части онъ трактовалъ объ идеѣ «бытія» или «сущности» т. е. о мірѣ отвлеченно постигаемомъ только нашимъ разумомъ, а во второй части о видимыхъ міровыхъ явленіяхъ, т. е. о несуществующемъ съ точки зрѣнія его философіи, явно обличающей тутъ свое родство съ ученіемъ Ксенофана. Въ отожествленіи бытія и мысли заключается центръ тяжести его системы, какъ и всей элеатской философіи. Чистое мышленіе, направленное на созерцаніе бытія, онъ противополагаетъ обманчивымъ представленіямъ о многообразіи и измѣнчивости явленій и считаетъ это мышленіе единственно истиннымъ и необманчивымъ знаніемъ. Что-же касается видимыхъ нами множества и различія вещей, происхожденія и возникновенія послѣднихъ, перемѣнъ времени, мѣста и качества ихъ— то онъ считаетъ все это несуществующимъ призракомъ.

Въ оправданіе своего положенія о полной недостовѣрности знаній, добываемыхъ путемъ обыкновеннаго чувственнаго ощущенія, Парменидъ приводитъ соображенія о различіи организаціи (природы членовъ, по его выраженію) отдѣльныхъ людей. Мышленіе каждаго человѣка, говоритъ онъ, соотвѣтствуетъ его организаціи. Чѣмъ выше послѣдняя, тѣмъ выше его мышленіе; въ различные возрасты одинъ и тотъ-же человѣкъ мыслитъ различно. Объ одномъ и томъ-же предметѣ различные люди и даже одинъ человѣкъ въ различные его возрасты будутъ различно мыслить, слѣдовательно, неодинаково, а изъ этого слѣдуетъ, въ свою очередь, что мнѣнія людей о предметахъ не достовѣрны, не соотвѣтствуютъ дѣйствительной природѣ предметовъ, постигаемой только чистымъ мышленіемъ, т. е. не основывающемся на чувственномъ ощущеніи.

Парменидъ обозначилъ все то, что элеаты называли бытіемъ, словомъ *«сущность»* и эту «сущность», постигаемую только мысленно, почиталъ содержаніемъ всего міра, простѣйшимъ, безкачественнымъ, не заключающимъ въ себѣ никакой сложности, ничего разнообразнаго. Такъ какъ сущность постигается только чистымъ мышленіемъ и только въ немъ выражается для насъ, то мысль и сущность суть одно и тоже. Понятіе о тожественности мысли и сущности выражено имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Мышленіе и то, о чемъ является мысль,—одно и тоже; ибо безъ сущаго, въ которомъ выразилось мышленіе, ты не найдешь его, такъ какъ нѣтъ и не будетъ ничего, кромѣ сущаго."

Парменидъ училъ далѣе, что сущность есть *единое* и недѣлимое цѣлое. Нѣтъ перерыва въ сущности, слѣдовательно, нѣтъ атомовъ. Если предположить, что есть перерывъ въ сущности, то онъ, этотъ перерывъ, былъ-бы то-же сущностью и тогда онъ продолжаетъ сущность вмѣсто того, чтобъ разрывать ее на части. Существуетъ, слѣдовательно, только *одно*, и нѣтъ множественности.

Платонъ вывелъ ученіе элеатовъ о единой сущности въ извѣстномъ діалогѣ «Парменидъ». Очень тонкимъ и искуснымъ подраженіемъ онъ воспроизводитъ діалектическіе пріемы доказательствъ, господствовавшіе у элеатовъ. Діалогъ Платона «Парменидъ», подлинность котораго подтверждается подробною и строгою критикою *), ясно отражаетъ въ себѣ метафизику элеатовъ, находившую потомъ въ теченіе вѣковъ многочисленныхъ и часто очень талантливыхъ подражателей.

Вотъ существенная часть діалога въ переводѣ проф. Карпова. Разговоръ происходитъ между Сократомъ и Парменидомъ въ присутствіи другихъ представителей тогдашней философской мысли.

«Надо быть человѣкомъ очень даровитымъ, чтобы уразумѣть, что есть нѣкоторый родъ каждой вещи и сущность сама по себѣ,—замѣчаетъ Парменидъ. Но еще болѣе удиви-

*) См. Проф. Карповъ. Сочиненія Платона, переведенныя съ греческаго и объясненныя. Часть VI. Москва. 1879, стр. 232—240.

тельно открыть это самому, и съумѣть наставить другаго, разобравъ все это достаточно.—Я уступаю тебѣ, Парменидъ, сказалъ Сократъ; потому что слова твои мнѣ очень по мысли. — Между тѣмъ, Сократъ, продолжалъ Парменидъ, если уже кто не допуститъ, чтобъ были виды существенностей, и не будетъ опредѣлять вида для каждой вещи, то, не допуская идеи каждой изъ существенностей, какъ идеи всегда тожественной, онъ и не найдется, къ чему направить свою мысль, — и такимъ образомъ совершенно упразднитъ возможность собесѣдованія. Это, мнѣ кажется, ты больше всего чувствовалъ.—Правда, сказалъ Сократъ.

Что же ты будешь дѣлать по философіи? Куда направишься, когда не знаешь этого?—Въ настоящую-то минуту представляю не такъ ясно.—Рано же, значитъ, Сократъ, сказалъ Парменидъ, браться опредѣлять, что такое прекрасное, справедливое, доброе, и каждый отдѣльный видъ,—не упражнявшись напередъ въ этомъ. То-же вѣдь замѣтилъ я и прежде, когда слушалъ здѣсь твой разговоръ съ этимъ Аристотелемъ. Такъ знай хорошо, прекрасное и божественное дѣло— имѣть такое стремленіе къ разсужденіямъ, какое ты имѣешь: но, пока молодъ, сдержись и упражняй себя больше посредствомъ той безполезной на видъ болтовни, — какъ ее называетъ большинство;—а не то истина будетъ убѣгать отъ тебя. —Но какимъ способомъ упражняться, Парменидъ? спросилъ Сократъ.—Такимъ, отвѣчалъ онъ, о какомъ ты слышалъ отъ Зенона. Впрочемъ, тому-то я очень обрадовался, что ты сказалъ ему, — что, то есть, не позволяешь себѣ держаться въ видимомъ и здѣсь искать обмана, но восходишь къ тому, что схватываетъ кто-нибудь особенно умомъ и почитаетъ видами.

— Потому что такимъ-то образомъ, сказалъ онъ, не трудно, мнѣ кажется, доказать, что существующее бываетъ подобно и не подобно и принимаетъ какое бы то ни было иное качество.—И хорошо, промолвилъ Парменидъ. Но сверхъ того надобно дѣлать и слѣдующее: предположивъ бытіе чего нибудь, не только наблюдать, что вытекаетъ изъ предположенія, но съ тою же цѣлію предполагать и не бытіе,—если

хочешь доставить себѣ больше упражненія.—Какъ ты говоришь? спросилъ онъ.—Возьми, напримѣръ, если хочешь то, самое предположеніе, сказалъ Парменидъ, какое сдѣлалъ Зенонъ. Пусть будетъ многое: что должно произойти съ самимъ многимъ, и въ отношеніи къ нему, и въ отношеніи къ одному, и что—съ однимъ, въ отношеніи къ нему самому и ко многому? Пусть опять не будетъ многаго: то же наблюдай, что произойдетъ съ однимъ и со многимъ, какъ въ отношеніи ихъ къ самимъ себѣ, такъ и въ отношеніи одного къ другому. Такимъ же образомъ опять, если будетъ предположено бытіе или небытіе подобнаго,—смотри, что выйдетъ изъ того и другого предположенія какъ для самыхъ предметовъ предположенныхъ, такъ и для другого, въ отношеніи ихъ къ себѣ и въ отношеніи взаимномъ. Это же самое и о не подобномъ, о движеніи и состояніи, о рожденіи и разрушеніи, и о самомъ бытіи или небытіи. Однимъ словомъ, что бы ни было тобою предположено, какъ существующее или не существующее, либо имѣющее какое нибудь иное свойство,—надобно наблюдать, что произойдетъ для самаго этого и для отдѣльной единичности, которую ты предъизбралъ и для большаго числа ихъ, и для всѣхъ. Такъ и прочее, подобно этому, должно поставлять въ отношеніе и къ тому самому и къ иному, что ни было бы тобою предъизбрано,—предположилъ ли ты нѣчто какъ существующее, что предположилъ, или какъ существующее,—если хочешь подготовить себя совершеннымъ образомъ, чтобы точно различать истину.—Объ упражненіи неодолимо трудномъ говоришь ты. Парменидъ, сказалъ Сократъ, и я не совсѣмъ понимаю это: проведи, пожалуйста, этотъ способъ самъ, предположивъ что нибудь, чтобы я лучше понялъ.—Ты, Сократъ, навязываешь на меня, такого старика, большое дѣло, примолвилъ Парменидъ.—Такъ ты, Зенонъ, не проведешь-ли намъ его? спросилъ Сократъ.—А Зенонъ засмѣялся, и сказалъ: попросимъ-ка, Сократъ, самого Парменида; вѣдь то, что онъ говоритъ, не бездѣлица. Развѣ не видишь, какое затѣваешь ты дѣло? Если бы насъ было больше, просить и не годилось бы; вѣдь говорить объ этомъ въ присутствіи толпы,

особенно еще такому старику, неприлично, такъ какъ толпа не знаетъ, что безъ такого рода околичностей и пересудовъ обо всемъ невозможно добраться до истиннаго взгляда. Такъ я, Парменидъ, вмѣстѣ съ Сократомъ прошу тебя о томъ, чтобы и самому мнѣ послѣ долгаго времени тебя послушать.

Когда Зенонъ выразилъ это, стали просить Парменида Аристотель и другіе, чтобы онъ подтвердилъ опытомъ, что говоритъ, и не уклонялся. — Такъ необходимо послушаться, сказалъ тогда Парменидъ, — хотя со мною происходитъ, кажется, то же, что съ конемъ Ивика,—конемъ рысакомъ, уже состарѣвшимся на бѣгахъ, когда онъ готовится къ новому бѣгу въ колесницѣ, и трепещетъ, зная по опыту то, что предстоитъ,—которому уподобляя себя, Ивикъ сказалъ: «вотъ и самому мнѣ, такому старику, приходится поневолѣ идти на встрѣчу любви». Такъ-то, кажется, и я очень страшусь, представляя: какъ въ такихъ лѣтахъ переплыть мнѣ столь глубокое и широкое море рѣчей. Однако надобно же угодить, когда и Зенонъ такъ говоритъ; мы же вѣдь тутъ одни. Итакъ, съ чего начнемъ, и что сперва предположимъ? Хотите-ли,—хотя игра предстоитъ хлопотливая,—начну отъ себя и съ своего предположенія. поставлю вопросъ объ одномъ,—одно-ли существуетъ, или не одно,—какое получится слѣдствіе? — Конечно, сказалъ Зенонъ.—Кто же будетъ отвѣчать мнѣ? спросилъ онъ: развѣ самый младшій? потому что онъ былъ бы менѣе придирчивъ, и отвѣчалъ бы именно то, что думаетъ, а между тѣмъ его отвѣтъ давалъ бы мнѣ минуту для отдыха. — Я готовъ, Парменидъ, сказалъ тотъ (упомянутый выше) Аристотель; потому что я, какъ говоришь, самый младшій. Спрашивай же, буду отвѣчать.

Такъ, положимъ, началъ Парменидъ, что есть одно. Не правда-ли, что одно не будетъ многое? — Какъ ему быть! — Слѣдовательно, у него не должно быть частей, и оно не будетъ цѣлымъ.—Какъ?—Часть, вѣроятно, есть часть цѣлаго.— Да.—А что такое цѣлое? Не то ли было бы цѣлое, что не имѣло бы недостатка ни въ одной части?—Конечно.—Стало быть, одно, въ обоихъ случаяхъ, будучи цѣлымъ и имѣя части, состояло бы изъ частей?—Необходимо.—Одно такимъ

образомъ было бы, въ обоихъ случаяхъ, многое, а не одно.— Правда.—А между тѣмъ должно-то быть не многому, а одному. — Должно. — Слѣдовательно, если одно будетъ одно, то оно не будетъ ни цѣлымъ, ни состоящимъ изъ частей.—Не будетъ.—А когда оно не имѣетъ частей, то не имѣетъ ни начала, ни конца, ни средины; потому что это были бы уже его части. — Правильно. — А конецъ-то и начало суть предѣлы каждой вещи.—Какъ не предѣлъ.—Стало быть, одно безпредѣльно, если оно не имѣетъ ни начала, ни конца. — Безпредѣльно. — Слѣдовательно, и безъ образа оно, потому что не причастно ни круглотѣ, ни прямизнѣ.—Какъ?—Круглота-то, вѣроятно, есть то, у чего оконечности вездѣ равно отстоятъ отъ средины.—Да.—А прямота—то, у чего средина закрываетъ собою оба конца. — Такъ. — Поэтому одно, будь оно причастно прямой или круглой фигурѣ, имѣло бы части и было бы многимъ.—Конечно.—Если же оно не имѣетъ частей, то не есть ни прямое, ни круглое.—Правильно.—А будучи такимъ-то, не будетъ нигдѣ, потому что не будетъ ни въ иномъ, ни въ себѣ.—Какъ это?—Будучи въ иномъ, одно, вѣроятно, обнималось бы сферою того, въ чемъ заключено, и во многихъ мѣстахъ его прикасалось бы ко многому; тогда какъ одному, не причастному ни частямъ, ни кругу, невозможно во многихъ мѣстахъ прикасаться къ кругу. — Невозможно.—А находясь само-то въ себѣ, оно себя же самого и обнимало бы, будучи не инымъ чѣмъ, какъ самимъ, хотя бы было и въ себѣ; потому что быть чему-нибудь въ томъ, что не обнимаетъ, невозможно.—Невозможно.—Посему иное нѣчто было бы самое обнимающее, и иное,—обнимаемое:—ибо то и другое, какъ цѣлое, будучи тѣмъ же, не будетъ вмѣстѣ страдать и дѣйствовать, и такимъ образомъ одно не было бы уже одно, а два.—Не было бы.—Стало быть, одно не находится, вѣроятно, ни въ себѣ, ни въ иномъ.—Не находится.—Смотри же: будучи такимъ, можетъ ли оно стоять, или двигаться.—Почему же бы нѣтъ?—Потому что движимое-то или переносилось бы, или измѣнялось; вѣдь эти только и бываютъ движенія.—Да.—Измѣняющееся же противъ себя одно, вѣроятно, не можетъ уже быть однимъ.—Не можетъ.—

Слѣдовательно, въ смыслѣ измѣненія-то не движется.—Явно, что не движется.—Такъ не въ смыслѣ-ли перенесенія?—Можетъ быть.—Но если одно переносится, то либо переносится въ томъ же мѣстѣ, вращаясь вокругъ себя, либо перемѣняетъ мѣсто, — одно на другое. — Необходимо. — Переносящееся же чрезъ вращеніе вокругъ себя, по необходимости утверждается на срединѣ, и въ переносящемся около средины имѣетъ отличныя отъ себя части. Между тѣмъ тому, чему не свойственны ни средина, ни части, какая возможность вращаться вокругъ себя на срединѣ?—Никакой. — А перемѣняя мѣсто, оно бываетъ то тамъ, то здѣсь, и такимъ образомъ движется?—Да, если только движется.—Не показалось ли намъ невозможнымъ быть ему въ чемъ-нибудь?—Да.—А бывать не менѣе ли еще возможно?—Не понимаю, какимъ образомъ.—Что въ чемъ-нибудь бываетъ, тому не необходимо ли, при вступленіи, еще не быть совсѣмъ въ томъ самомъ, и не быть болѣе внѣ того, какъ скоро оно уже вступило?—Необходимо.—Слѣдовательно, если будетъ подвергаться этому что-нибудь иное, то, конечно, можетъ подвергаться только то, что имѣетъ части; ибо въ одно и то-же время нѣчто, принадлежащее предмету, могло бы находиться уже въ томъ, и нѣчто—внѣ того; тогда какъ не имѣющее частей никакимъ образомъ не будетъ въ состояніи быть все внутри и вмѣстѣ внѣ чего нибудь.—Правда.—А тому, что и не имѣетъ частей, и не есть цѣлое, не гораздо ли еще невозможнѣе вступать въ бываніе, когда оно не вступаетъ ни частями, ни цѣлымъ?—Явно.—Стало быть, одно не перемѣняетъ мѣста ни какъ идущее куда нибудь, ни какъ появляющееся въ чемъ нибудь (и не движется), ни какъ вращающееся на мѣстѣ, ни какъ измѣняющееся само въ себѣ.—Какъ видно, нѣтъ.—Слѣдовательно, одно не движется ни какимъ родомъ движенія.—Не движется.—Но и быть-то ему въ чемъ нибудь, говоримъ, тоже невозможно.—Да, говоримъ.—Стало быть, оно никогда не находится въ томъ же.—Почему такъ?—Потому что было бы уже въ томъ, въ чемъ находится, какъ въ томъ же.—Конечно.—Да ему невозможно было также находиться ни въ себѣ, ни въ иномъ.—Конечно, невозможно.—Слѣдова-

тельно, одно никогда не остается на мѣстѣ.—Видно, что нѣтъ.—А что никогда не остается на мѣстѣ, то не находится въ покоѣ, и не стоитъ.—Да и нельзя.—Поэтому одно и не стоитъ, какъ видно, и не движется.—Такъ выходитъ.—Притомъ: оно не будетъ тожественно ни съ другимъ, ни съ собою, и опять, не будетъ отлично ни отъ себя, ни отъ другаго.—Какимъ же образомъ?—Будучи отлично отъ себя, оно, конечно, было бы отлично отъ одного, и уже не было-бы одно.—Правда.—Будучи, притомъ, тожественно съ другимъ, оно было-бы то другое, и не было-бы само; такъ что не было бы тѣмъ, что есть,—однимъ, а отличнымъ отъ одного.—Конечно.—Стало быть, оно не будетъ ни тожественно съ другимъ, ни отлично отъ себя.—Не будетъ.—Не будетъ оно также отлично отъ другаго, пока будетъ одно; потому что одному нейдетъ быть отличнымъ отъ чего нибудь, а (идетъ) только отличному—отъ отличнаго, ничему больше.—Правильно.—Одно, чрезъ то самое, что оно—одно, не будетъ другимъ, или думаешь?—Нѣтъ.—А если не чрезъ это, то и не чрезъ себя; когда же не чрезъ себя, то и не само; не будучи же отнюдь отличнымъ само въ себѣ, оно не будетъ отлично ни отъ чего.—Правильно.—Не будетъ оно однакожъ и тожественно съ собою.—Какъ не будетъ?—Природа одного не та же, что природа тожественнаго.—Почему такъ?—Потому, что когда что либо становится тожественно чему нибудь, является не одно.—А что же?—При множествѣ вещей, становится тожественнымъ многое, а не одно.—Правда.—Но если одно и то же ничѣмъ не различаются, то какъ скоро происходило бы что тожественное, всегда происходило бы одно, а когда одно,—то и тожественное.—Конечно.—Стало быть, если одно будетъ тожественно себѣ, то не будетъ одно съ собою; такимъ образомъ, будучи однимъ, не будетъ одно.—Но это-то невозможно.—Слѣдовательно, невозможно и то, чтобы одно было отлично отъ другаго, или тожественно себѣ.—Невозможно.—Такимъ образомъ одно—отличнымъ ли то, или тожественнымъ—не будетъ ни въ отношеніи къ себѣ, ни въ отношеніи къ другому.—Почему же?—Потому что подобное какъ будто раздѣляетъ свойства тоже-

ственнаго.—Да.—А тожественное оказалось по природѣ особымъ противъ одного-то.—Оказалось.—Но если бы одно получило нѣкоторое свойство быть особымъ противъ одного, то получило бы свойство быть больше, чѣмъ одно; а это невозможно.—Да.—Стало быть, одному никакъ не доступно свойство быть тожественнымъ—ни иному, ни себѣ.—Явно, что нѣтъ.—Слѣдовательно и подобнымъ не можетъ оно быть—ни иному, ни себѣ.—Какъ видно нѣтъ.—Да одному недоступно свойство быть и другимъ-то; ибо иначе въ немъ получилось бы больше, чѣмъ одно.—Конечно, больше.—То, что принимаетъ свойство отличія по отношенію къ себѣ или иному, было бы не подобно себѣ или иному, а что́ свойство тожества—подобно.—Правильно.—Но одно то, какъ видно, никакъ не принимая свойства отличія, никакъ не подобно ни себѣ, ни другому.—Конечно, нѣтъ.—Стало-быть, одно не будетъ ни подобно, ни не подобно—ни себѣ, ни другому.—Явно, что нѣтъ.—А будучи такимъ-то, оно не будетъ ни равно, ни не равно, какъ себѣ, такъ и другому.—Какимъ же образомъ?—Какъ равное, оно будетъ той же мѣры съ тѣмъ, чему было бы равно.—Да.—Если же оно больше или меньше, по сравненію съ тѣмъ, чему соразмѣримо, то относительно къ меньшому будетъ имѣть мѣру высшую, а относительно къ большему—нисшую.—Да.—Съ чѣмъ же не соразмѣримо,—мѣрою будетъ иной разъ больше, другой меньше.—Какъ же иначе.—Но возможно ли, чтобы не причастное тожества было или той же мѣры, или чего бы то ни было *того же?*—Невозможно.—А что не той же мѣры, то не можетъ быть равно ни себѣ, ни иному.—Это-то явно.—Будучи же высшей или нисшей мѣры,—сколько будетъ мѣры, столько будетъ содержать и частей; и такимъ образомъ выйдетъ опять уже не одно, а столько, сколько будетъ мѣры.—Правильно.—Если же будетъ въ одну единицу мѣры, то вышло бы равно мѣрѣ; но это оказалось невозможнымъ, чтобы оно было равно чему нибудь.—Да, оказалось.—Стало быть, не причастное ни одной единицѣ мѣры, ни многимъ, ни не многимъ, и вообще не причастное *тому же*, оно не будетъ, какъ видно, равно ни себѣ, ни иному, и

опять, не будетъ ни больше, ни меньше—ни себя, ни другаго.—Безъ сомнѣнія.—Что же? кажется ли, что одно можетъ быть или старше, или моложе, или того же съ чѣмъ нибудь возраста.—Почему же бы нѣтъ?—Потому, что имѣя тотъ же возрастъ, оно будетъ причастно равенству во времени и подобію либо себѣ, либо иному; мы же говорили, что одно не причастно ни подобію, ни равенству.—Да, конечно, говорили.—Что не причастно также ни неподобію, ни равенству,—и это говорили.—Конечно.—Какъ же можно быть ему либо старше, либо моложе чего нибудь, либо имѣть тотъ же съ чѣмъ нибудь возрастъ, если оно таково? — Никакъ. — Стало быть, одно не можетъ быть ни моложе, ни старше, ни имѣть тотъ же возрастъ—ни съ собою, ни съ инымъ.—Явно, что нѣтъ.—Да можетъ ли одно быть даже вообще во времени, если оно таково? Развѣ не необходимо, чтобы находящееся во времени становилось постоянно старше?—Необходимо. — Старшее-то не старше ли всегда младшаго?—Какъ же.—Слѣдовательно, то, что бываетъ старше себя, бываетъ вмѣстѣ и моложе себя, если тоже самое имѣетъ выйти старше чего нибудь.—Какъ ты говоришь? — Вотъ какъ: одно, различающееся отъ другаго, не нуждается ни въ чемъ для различія, если уже есть различіе; и только, когда оно уже есть, — чтобы ему быть; когда оно сбылось,—чтобы сбыться; когда оно имѣетъ произойти,—чтобы ему произойти; когда же оно бываетъ, то нѣтъ нужды, сбылось ли, есть, или имѣетъ быть различіе, — лишь бы оно бывало, — и ничего больше. — Да, необходимо.—Но старшее-то есть нѣчто отличное отъ младшаго, а не отъ чего инаго.—Конечно.—Стало быть, бывающее старше себя необходимо бываетъ также и моложе себя.—Походитъ. — Но по времени, конечно, оно не бываетъ ни больше себя, ни меньше, но и бываетъ, и есть, и было, и будетъ себѣ равновременно.—Да, необходимо и это.—Значитъ, необходимо, какъ видно, чтобы все, находящееся во времени-то и причастное ему, имѣло тотъ же само съ собою возрастъ, и было какъ старше, такъ вмѣстѣ и моложе себя.—Должно быть.—Но изъ такихъ свойствъ одному-то ничто не было причастно.—Да, не было.—Стало быть, ему не при-

частно и время, и оно существуетъ не во времени. — Конечно, нѣтъ,—какъ требуетъ этого, по крайней мѣрѣ, ходъ рѣчи.—Что же? *было, сбылось, происходило,*—не кажется ли это означеніемъ причастности времени когда-то бывшаго? — И очень. — Что еще? *будетъ, произойдетъ, сбудется,* — не означается ли этимъ, что будетъ потомъ?—Да.—А словами-то: *есть и бываетъ* не на настоящее-ли указывается?—Конечно.—Если же одно никакъ и никакому не причастно времени, то оно и не сбылось никогда, и не происходило, и не было, и теперь не сбывается, не происходитъ и не есть, и послѣ не произойдетъ, не сбудется и не будетъ.—Весьма справедливо.—А есть ли возможность пріобщиться сущности иначе, какъ по которому нибудь изъ этихъ способовъ? — Нѣтъ. — Слѣдовательно, одно никакъ не причастно сущности. — Походитъ, что нѣтъ. — Поэтому одно совсѣмъ не существуетъ.—Явно, что нѣтъ. — Стало быть, оно не таково, чтобы ему быть однимъ: ибо тогда было бы оно уже существующимъ и причастнымъ сущности. Но одно, какъ видно, и не одно, и не существуетъ, если положиться на такое разсужденіе.—Должно быть.—А что не существуетъ, тому—не существующему—можетъ ли что принадлежать, либо какъ въ немъ, либо какъ его. — Не можетъ. — Стало быть, для него нѣтъ ни имени, ни слова, ни какого либо знанія, ни чувства, ни мнѣнія.—Явно, что нѣтъ. — Слѣдовательно, оно и не именуется, и не высказывается, и не мнится, и не познается, и ничто изъ его существенностей не чувствуется.— Походитъ, что нѣтъ.—И такъ, возможно ли, чтобы въ отношеніи къ одному это было такъ?—Мнѣ кажется, нѣтъ».

Пріемы мышленія элеатовъ и ихъ способы доказывать свои положенія вполнѣ воспроизведены въ приведенномъ діалогѣ. Элеаты ввели въ философію новый методъ, діалектику, и авторитетъ въ древности Парменида и другого выдающагося представителя элейцевъ, Зенона, не мало содѣйствовалъ тому, что новый методъ проникалъ тысячью путями въ послѣдующее теченіе философской мысли. Для Парменида какъ и Зенона, считавшихъ иллюзіею все то, что составляетъ дѣйствительную сущность природы, существовалъ только

одинъ способъ мышленія, метафизическій, и только одинъ способъ доказательствъ, апріористическій.

3. ЗЕНОНЪ.

Зенонъ, родившійся въ Элеѣ около 500 г. до Р. Х. былъ ученикомъ Парменида. Энтузіастъ-философъ, доблестный гражданинъ, учитель Перикла, Зенонъ прославился еще своею отчаянной ненавистью къ политической тираніи. Древніе писатели расказываютъ, что вернувшись изъ Аѳинъ, гдѣ онъ провелъ нѣкоторое время, въ свой родной городъ Элею, онъ засталъ его подъ властью тирана Неарха. Дорожа свободою своей родины, онъ пожелалъ свергнуть тирана и составилъ заговоръ противъ него. Неархъ, узнавъ объ этомъ, привлекъ его къ суду и сталъ допрашивать о сообщникахъ. Зенонъ назвалъ ему всѣхъ его придворныхъ, чѣмъ привелъ въ ужасъ самаго тирана. Въ туже минуту, послѣ увѣщанія, съ которымъ обратился къ присутствовавшимъ на судѣ, не покаряться Неарху изъ боязни преслѣдованія, онъ откусилъ себѣ языкъ и выплюнулъ его тирану въ лицо. Тогда народъ разтерзалъ тирана. О смерти-же Зенона существуетъ мало свѣдѣній.

Зенонъ защищалъ и развивалъ идеи своего учителя, оспаривая въ постоянной полемикѣ всякое противорѣчіе его ученію. Признавая краеугольнымъ камнемъ элейской философіи принципъ единства всего существующаго, онъ доказывалъ, что нѣтъ множества и нѣтъ движенія.

Доказывалъ онъ это такъ. Многое есть совокупность единицъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Если-бъ единица содержала въ себѣ множество, то она была-бы дѣлимою и, слѣдовательно не была-бы уже тогда единицею. Какъ недѣлимое, единица безконечно мала, не имѣетъ величины; а такъ какъ множество состоитъ изъ единицъ, не имѣющихъ величины, то множество, изъ нихъ состоящее, тоже не имѣетъ величины, или—что тоже—оно вовсе не существуетъ. Что касается движенія, то Зенонъ прибѣгалъ къ слѣдующимъ соображеніямъ для доказательства того, что оно не существуетъ. Всякій

движущійся предметъ, еслибъ онъ дѣйствительно двигался, прошелъ-бы сперва одну часть своего пути, потомъ часть этой части, затѣмъ часть этой послѣдней и такъ далѣе, пока часть этого движенія сдѣлалась-бы безконечно малой или несуществующей. Но разъ предметъ долженъ быть на этой точкѣ движенія, т. е. на безконечно малой, несуществующей части своего пути, то онъ вовсе не движется, слѣдовательно,— движенія вообще нѣтъ.

Говорятъ, что Діогенъ Циникъ, слушавшій эти доводы Зенона противъ существованія движенія, поднялся и сталъ шагать передъ философомъ. Зенонъ могъ, однакоже, настаивать на своемъ. Онъ могъ доказывать, что каждый шагъ Діогена подраздѣляется на безконечно малыя части; движеніе на пространствѣ безконечно малыхъ частей было-бы безконечно—малое и въ этомъ смыслѣ равнялось-бы покою или, что тоже,—вовсе несуществовало-бы. Такъ какъ, далѣе, шагъ Діогена состоитъ несомнѣнно изъ такихъ малыхъ частей, то движенія не существуетъ. И Зенонъ діалектически былъ-бы правъ. Все дѣло здѣсь въ изобрѣтенныхъ діалектикомъ словесныхъ различіяхъ.

Реакція противъ ученія элеатовъ; развитіе началъ іонійской и элейской школъ.

1. ГЕРАКЛИТЪ.

Гераклитъ, прозванный «темнымъ,» былъ уроженцемъ іонійскаго города Эфеса и жилъ почти одновременно съ Парменидомъ. Сограждане Гераклита считали его человѣкомъ гордымъ, желчнымъ и презирающимъ людей. На ихъ приглашеніе взять на себя общественную должность, онъ отвѣтилъ, что гораздо достойнѣе забавляться съ дѣтьми въ любую игру, чѣмъ заниматься ихъ общественными дѣлами. На

вѣжливое приглашеніе персидскаго царя Дарія, прибыть къ его двору, онъ отвѣчалъ письмомъ, исполненнымъ презрѣнія. Люди, пишетъ онъ, уклоняются отъ пути справедливости; они алчны и тщеславны. Но я довольствуюсь малымъ, живу какъ мнѣ нравится, презираю придворную суету и потому никогда не вступлю на персидскую землю. Неизвѣстно, было-ли подобное настроеніе духа Гераклита слѣдствіемъ горькихъ испытаній въ жизни, или только слѣдствіемъ его философскаго міросозерцанія. О его жизни извѣстно очень мало, такъ какъ, послѣ переселенія изъ Эфеса, онъ жилъ отшельникомъ въ горахъ.

Ученіе его отличается крайнею парадоксальностью и неясностью, чѣмъ онъ и заслужилъ прозваніе «темный.» Въ послѣднія десятилѣтія не разъ дѣлались попытки надлежаще освѣтить ученіе Гераклита. Таковы, напримѣръ, труды Лассаля, Бернея и Шустера, которымъ предшествовалъ обширный трудъ Шлейермахера. Должно признать, однако, что оно и до сей поры не вполнѣ уяснено.

Элеаты принесли въ жертву своей идеѣ о первой сущности весь дѣйствительный міръ явленій. Они создали себѣ особый отвлеченный міръ изъ собственныхъ отвлеченностей. Элеаты учили, что наши чувства не даютъ намъ никакихъ достовѣрныхъ знаній и что поэтому міръ, какъ онъ представляется намъ, есть призракъ, созданный нашими обманчивыми ощущеніями. Только чистое мышленіе, какъ они это понимали, способно дать намъ вѣрное понятіе о мірѣ. Въ противоположность элеатамъ Гераклитъ училъ, что разумъ, не питаемый нашими чувствами и предоставленный самому себѣ, не можетъ дать намъ достовѣрныхъ свѣдѣній и что чувства суть настоящій источникъ знаній, хотя онѣ и бываютъ обманчивы. Обманываютъ-же чувства тогда, когда принадлежатъ, по его выраженію, варварскимъ умамъ, т. е. примитивнымъ, невоспитаннымъ людямъ. Онъ даже прямо утверждаетъ, что «истинно то, что не скрытно,» т. е. что доступно нашимъ чувствамъ. Способность познанія истины посредствомъ чувства вытекаетъ, по его мнѣнію, изъ слѣдующаго обстоятельства. Вдыхая эфиръ, который есть божественный

разумъ, мы дѣлаемся сознающими себя (пріобрѣтаемъ сознаніе). Во снѣ мы теряемъ сознаніе. Просыпаясь, дѣлаемся опять сознающими; ибо во снѣ, когда всѣ органы чувствъ въ бездѣйствіи, душа не участвуетъ въ принятіи эфира, т. е. божественнаго разума. Дыханіе, какъ корень для растеній, есть единственный посредникъ между нашими чувствами и эфиромъ. Разумъ теряетъ свою силу на время усыпленія нашихъ чувствъ. При пробужденіи сознаніе возстановляется посредствомъ чувствъ, и, опять приходя въ соприкосновеніе съ окружающимъ эфиромъ, — становится разумнымъ. Подобно тому, какъ дерево, положенное въ огонь загорается и мѣняется, — а отдаленное отъ него, потухаетъ, такъ и часть всеміранаго разума, которую содержитъ наше тѣло, теряетъ свою силу на время, когда разлучена съ цѣлымъ, и опять находитъ ее, когда посредствомъ чувствъ вновь соединится съ нимъ.

Все міровое, по Гераклиту, находится въ постоянномъ движеніи,—въ смыслѣ превращенія, а видимый покой—какъ видимая неизмѣняемость вещи, есть обманъ нашихъ чувствъ. Въ безпрерывномъ міровомъ приливѣ и отливѣ, въ вѣчной смѣнѣ черезъ движеніе находимся и мы. Нельзя дважды войти въ эту вѣчную рѣку, говоритъ онъ, потому что вода въ ней вѣчно уходитъ и течетъ, и сами мы измѣняемся, входя въ нее. Ничто не остается самимъ собою, все или увеличивается или уменьшается, исчезаетъ или превращается въ нѣчто другое; изъ всего происходитъ все, изъ жизни смерть, изъ смерти жизнь; вѣчно и повсюду происходитъ только единый процессъ измѣненія, возникновенія и исчезновенія.» Причиною этого никогда не прекращающагося процесса происхожденія служитъ борьба міровыхъ противоположностей. «Борьба есть праматерь веществъ» говоритъ Гераклитъ. Каждое существованіе, т. е. всякое видимое бытіе, возникаетъ, происходитъ отъ напряженія противоположностей, изъ ихъ борьбы, ихъ раздѣленія и соединенія. «Единое, разъединившись само съ собою, снова съ собою сливается, какъ гармонія созвучія смычка съ лирою...»

Соединимъ цѣлое и нецѣлое, соединяющееся и разъеди-

няющееся, согласное и разногласное, созвучное, беззвучное и разнозвучное, то изъ этого всего произойдетъ единое, а изъ единаго все отдѣльное, гласитъ одно мистическое положенiе Гераклита.

Началомъ и концомъ мiроваго процесса онъ признаетъ огонь, въ смыслѣ вѣчно движущагося первичнаго эфира. Какъ люди смѣняютъ вещи на золото и золото на вещи, такъ и въ природѣ все переходитъ въ огонь и огонь переходитъ во все другое. «Мiръ есть огонь, вѣчно живущiй, въ извѣстныхъ степеняхъ угасающiй, но всегда опять загорающiйся».

Важнѣйшая черта философiи Гераклита суть его идеи касательно способовъ познанiя истины. Хотя онъ и училъ, что чувства суть главный источникъ человѣческихъ познанiй, онъ не допускалъ въ тоже время, чтобъ они были достовѣрнымъ орудiемъ прiобрѣтенiя знанiй. Такъ какъ все, что воспринимается чувствами, подвержено вѣчному измѣненiю, то онѣ не могутъ дать намъ, слѣдовательно, точнаго и опредѣленнаго знанiя. Лишь тогда, когда мы въ стремленiи познать истину не только воспринимаемъ чувствами, насъ обманывающими, а прилагаемъ нашъ разумъ, какъ часть безконечнаго мiроваго разума—мы близки къ истинѣ. Чувства показываютъ намъ то, что измѣняется, а потому знанiе, основанное на одномъ только чувственномъ ощущенiи, всегда будетъ обманчиво; напротивъ того, разумъ одинъ соединяетъ насъ съ мiровымъ эфиромъ въ его вѣчно разумномъ движенiи и вѣчной смѣняемости вещей. Впрочемъ, и наиболѣе совершеннѣйшiй человѣческiй умъ далекъ отъ всей истины, содержащейся только въ разумѣ мiровомъ.

2. АНАКСАГОРЪ.

Анаксагоръ родился въ 500 г. до Р. X. Онъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ философовъ древне-греческаго перiода. Анаксагоръ, родомъ лидiецъ, изъ города Клазомена, сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, провелъ годы своей юности въ удовольствiяхъ. Но потомъ въ немъ произошла перемѣна

Онъ возъимѣлъ страстное желаніе отдаться научнымъ изслѣдованіямъ и отправился съ этою цѣлью въ процвѣтавшія тогда Аѳины. Какъ разъ въ то время Эсхилъ явился во всемъ блескѣ своего таланта, а Периклъ готовился уже занять мѣсто главы аѳинской демократіи. Тѣсная дружба завязалась скоро между Перикломъ и Анаксагоромъ, быстро достигшимъ здѣсь своими дарованіями большой славы. Извѣстно, что враги Перикла особенно мѣтили въ послѣдняго, когда обвиняли Анаксагора въ богохульствѣ. Своимъ избавленіемъ отъ смерти, которая замѣнена была изгнаніемъ, Анаксагоръ обязанъ былъ краснорѣчію своего друга. Анаксагоръ оставилъ Аѳины передъ началомъ Пелопонезской войны. «Не я аѳинянъ лишился, но аѳиняне меня», сказалъ онъ гордо. Онъ поселился въ Ламзакѣ, въ Мизіи. Жители этого города съумѣли оцѣнить честь, оказанную имъ философомъ своимъ пребываніемъ въ ихъ средѣ, и относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Когда онъ умеръ, они воздвигнули ему памятникъ съ надписью:

«Эта гробница вмѣщаетъ въ себѣ великаго Анаксагора, котораго умъ изслѣдовалъ небесные пути истины».

Своимъ ученіемъ о разумѣ онъ занялъ выдающееся мѣсто въ исторіи философіи.

Анаксагоръ первый положилъ въ основаніе явленій природы два начала: вещественное и духовное. Всѣ прежніе философы древнегреческаго періода, трактуя о духѣ, понимали его всетаки, какъ матерію, а Анаксагоръ видитъ въ «духѣ» отдѣльное отъ матеріи міровое начало. Онъ называетъ это духовное начало *«разумомъ»*. «Разумъ безконеченъ», говоритъ онъ, согласно Симплицію, и самовластенъ. Онъ не смѣшивается ни съ чѣмъ, существуетъ самъ по себѣ, заключается въ самомъ себѣ, обусловливается самимъ собою. Еслибы было иначе, еслибъ разумъ смѣшивался съ чѣмъ нибудь, то онъ былъ-бы причастенъ всѣмъ вещамъ, ибо во всемъ есть части всего; такимъ образомъ та часть, съ которою онъ былъ-бы смѣшанъ, не давала бы ему властвовать надъ всѣми другими веществами... Разумъ есть нѣчто самое чистое, самое совершенное и даетъ понятіе обо всемъ; все,

что имѣетъ душу, подвластно разуму. Разумъ познаетъ все: соединенное и разъединенное; то, что должно быть и то что было, то что есть теперь и то что будетъ. Все это приводится въ порядокъ разумомъ.

Платону и Аристотелю этотъ «духъ», подъ которымъ Анаксагоръ понималъ во всякомъ случаѣ не божество, а природную силу, кажется совершенно произвольнымъ созданіемъ ума. Платонъ, устами Сократа, критикуетъ воззрѣніе Анаксагора въ своемъ Федонѣ. Сократъ разсказываетъ въ предсмертный часъ своимъ товарищамъ, какъ онъ, обративъ вниманіе на сочиненія Анаксагора, возъимѣлъ желаніе изучить ихъ. Но потомъ потерялъ охоту, видя, что его ученіе о духѣ вовсе не указываетъ на дѣйствительныя причины явленій. Вотъ это мѣсто изъ Федона въ переводѣ проф. Карпова.

«Однажды мнѣ кто-то сказалъ, будто онъ читалъ въ книгѣ Анаксагоровой, что распорядитель и причина всего есть умъ. Тогда я радъ былъ этой причинѣ; мнѣ казалось какъ-то хорошо, что причина всего есть умъ. Если это справедливо, думалъ я, то умъ, распоряжаясь всѣмъ, указываетъ мѣсто каждой вещи тамъ, гдѣ быть ей всего лучше. Поэтому кто захотѣлъ бы искать причину всякаго предмета: какъ онъ происходитъ, уничтожается, либо существуетъ, тотъ долженъ-бы вывесть ее изъ того, какъ ему лучше существовать, страдать или дѣйствовать. На этомъ-то основаніи человѣку надлежало-бы уже и отъ самаго себя, и отъ прочихъ предметовъ требовать только превосходнѣйшаго и наилучшаго, хотя тотъ же самый человѣкъ по необходимости зналъ бы и худшее; потому что знаніе того и другого есть одно и то же. Размышляя обо всемъ этомъ, я думалъ, что касательно причины вещей въ Анаксагорѣ нашелъ учителя по душѣ себѣ, что онъ сперва скажетъ мнѣ о землѣ,—плоска ли она, или кругла, а сказавъ это, откроетъ причину и необходимость, дѣйствительно ли онъ излагаетъ самое лучшее мнѣніе, и точно ли землѣ всего лучше быть такою,—откроетъ также, въ срединѣ ли она находится, и объяснитъ, почему ей лучше быть въ срединѣ. Если онъ объявитъ мнѣ

это, думалъ я, то рѣшусь не желать другой, инородной причины. Было у меня намѣреніе узнать отъ него такимъ же образомъ и о солнцѣ, и о лунѣ, и о прочихъ звѣздахъ, что касается до ихъ относительной скорости, поворотовъ и другихъ свойствъ, т. е., какое бы дѣйствіе или страданіе для всякаго изъ этихъ предметовъ могло быть самымъ лучшимъ. Утверждая, что все устроено умомъ, онъ конечно, думалъ я, не станетъ искать для этихъ вещей иной причины, кромѣ той, что быть имъ въ такомъ состояніи, въ какомъ онѣ находятся, всего лучше. Нашедши же причину предметовъ, взятыхъ порознь и вообще, онъ покажетъ, какъ мнѣ казалось, и самое лучшее для каждаго изъ нихъ, и общее благо для всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И я не хотѣлъ дешево отдать своихъ надеждъ, но съ жаромъ ухватился за книги, намѣреваясь прочитать ихъ какъ можно скорѣе, чтобы какъ можно скорѣе узнать, что всего лучше и что всего хуже. Но столь удивительныя надежды, другъ мой, не долго оставались со мною. Продолжая читать, я вижу, что умомъ этотъ человѣкъ нисколько не пользуется, и порядка вещей не изъясняетъ никакими причинами: напротивъ, въ основаніи всего полагаетъ воздухъ, эфиръ, воду и много другихъ странностей. Онъ точно такъ поступаетъ, думаю я, какъ если-бы кто, положивъ, что Сократъ все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ умомъ, началъ потомъ приводить причины каждаго моего дѣла и сказалъ, напримѣръ, будто я потому сижу здѣсь, что мое тѣло состоитъ изъ костей и жилъ, что кости тверды и отдѣлены одна отъ другой суставами, а жилы имѣютъ способность растягиваться и ослабляться, и лежатъ около костей вмѣстѣ съ плотію и кожею, которая все обхватываетъ; а такъ какъ кости могутъ быть подымаемы въ ихъ суставахъ, то растягивающіяся и ослабляющіяся жилы даютъ мнѣ возможность сгибать члены,—и вотъ, согнувшись, я и сижу здѣсь. Пожалуй, и теперешній разговоръ нашъ онъ произвелъ бы изъ подобныхъ причинъ, напримѣръ, изъ голоса, воздуха, слуха и изъ множества другихъ того же рода, не обративъ вниманія на причины истинныя, что Аѳиняне сочли за лучшее осудить меня, что поэтому мнѣ показалось

лучше сидѣть здѣсь и, слѣдуя справедливости, терпѣливо подвергнуться казни, которой они требуютъ. Вѣдь, клянусь собакою, что и жилы мои, и кости, увлекаясь мнѣніемъ лучшаго, давно бы, думаю, были гдѣ—нибудь въ Мегарѣ или Бэотіи, еслибы, вмѣсто того, чтобы бѣжать и скрыться, я не почелъ дѣломъ болѣе справедливымъ и честнымъ принять отъ города назначенную мнѣ казнь. Приводить подобныя причины вовсе не годится. Конечно, кто сказалъ бы, что безъ такикъ вещей, какъ кости, жилы и другія мои принадлежности, я не могъ бы дѣлать, что мнѣ угодно, тотъ сказалъ бы правду; но говорить, будто всѣ свои дѣла я дѣлаю умомъ, потому что у меня есть жилы и кости, а не потому, что избираю самое лучшее, было бы глупо вдоль и поперекъ. Это значило бы не умѣть отличить, что другое дѣло—причина, и другое дѣло—то, безъ чего причина не могла бы быть причиною. И мнѣ кажется, многіе, мысля будто ощупью. въ потьмахъ, употребляютъ вовсе не тѣ имена для названія дѣйствительныхъ причинъ.»

Должно признать, однако, что Платонъ представлялъ себѣ «умъ» Анаксагора чисто физическимъ элементомъ, тогда какъ по смыслу всего ученія Анаксагора, разумъ является *движущею силою, духовнымъ началомъ* всего существующаг , на что указываетъ приведенное нами выше мѣсто, въ которомъ Анаксагоръ опредѣляетъ «разумъ».

Анаксагоръ принималъ, что существуетъ множество первоначальныхъ элементовъ, т. е. безконечное число субстанцій. Эти элементы или субстанціи онъ называлъ *сѣменами вещей* и училъ, что они существуютъ въ несмѣтномъ количествѣ и сами безконечно малы. Далѣе онъ учитъ, что нѣтъ ни возникновенія, ни исчезновенія; все состоитъ изъ вѣчно бывшихъ веществъ, которыя вѣчно будутъ существовать. Сотвореніе, происхожденіе и нарожденіе ничто иное, какъ вѣчный переходъ одного вещества въ другое. Смерть, истлѣніе и все означающее гибель, онъ объясняетъ отдѣленіемъ первобытныхъ составныхъ частей. Онъ представлялъ себѣ такимъ образомъ всю вселенную состоящею изъ сѣмянъ въ ихъ безконечномъ различіи.

Говоря о чувственномъ познаваніи и познаваніи посредствомъ умственнаго отвлеченія, Анаксагоръ установлялъ разницу между явленіемъ (*феноменомъ*) доступнымъ нашимъ чувствамъ, и сущностью вещей (*нуменомъ*) открываемою разумомъ. Этимъ раздѣленіемъ онъ положилъ начало болѣе аналитическому объясненію способовъ, которыми нашъ умъ пріобрѣтаетъ познанія объ окружающемъ насъ мірѣ. Толчекъ въ этомъ отношеніи, данный имъ философствующему мышленію, составляетъ великую заслугу Анаксагора.

3. ЭМПЕДОКЛЪ.

Эмпедоклъ, сициліецъ, родился въ богатомъ городѣ Агригентѣ (около половины 5 вѣка до Р. Х.), имѣвшемъ въ то время почти милліонъ жителей. Въ образѣ этого философа, какъ намъ представляютъ его древніе историки, столько же симпатичныхъ, сколько и несимпатичныхъ чертъ. Будучи богатымъ и вліятельнымъ, онъ часто поступалъ великодушно, тратилъ напримѣръ свое большое состояніе на то, чтобы бѣдныхъ дѣвушекъ выдавать замужъ за сыновей знатныхъ семействъ. Онъ принадлежалъ къ партіи демократовъ, и на предложенія товарищей, стать во главѣ ея, постоянно отвѣчалъ отказомъ. Съ другой стороны разсказываютъ, что онъ страдалъ крайнимъ самомнѣніемъ и былъ очень гордъ. Принадлежа къ сословію жрецовъ, носилъ богатую одежду, золотой поясъ и дельфійскую корону. Въ народѣ онъ появлялся не иначе, какъ въ сопровожденіи толпы учениковъ и друзей. Неизвѣстно, однако, насколько это справедливо, такъ какъ свѣдѣнія объ Эмпедоклѣ довольно противорѣчивы. Эмпедокла, какъ и Пиѳагора, древніе окружали миѳическимъ ореоломъ. Впрочемъ, есть много общаго между этими двумя представителями классическихъ временъ. Тотъ и другой много путешествовали ради пріобрѣтенія знаній. Оба, какъ полагаютъ, подолгу жили въ Египтѣ, въ которомъ тогда сосредоточивались знанія всего міра. Эмпедоклъ занимался врачебною практикою, гаданіемъ и пророчествомъ. Всѣ эти черты напоминаютъ намъ миѳическій образъ Пиѳагора.

Одни причисляютъ Эмпедокла, какъ философа, къ элеатамъ, другіе къ пиѳагорейцамъ, третьи доказываютъ, что его ученіе есть комбинація идей гераклитскихъ и пиѳагорейскихъ. Достовѣрно же то, что онъ черпалъ изъ тѣхъ и другихъ источниковъ, хотя онъ и не былъ при этомъ собственно философомъ-эклектикомъ. Онъ пользовался, правда, многими философскими положеніями своихъ предшественниковъ, но его собственные взгляды и воззрѣнія совершенно самостоятельны. Его теорія познаванія похожа на теорію элеатовъ, особенно въ пунктѣ, гдѣ онъ жалуется на заблужденія, въ которыя вводитъ насъ чувственное ощущеніе. Относительно безконечности бытія Эмпедоклъ частью согласенъ съ элеатами, но онъ считаетъ, что четыре самостоятельные элемента, земля, вода, воздухъ и огонь, приводятся въ движеніе двумя нематеріальными началами, изъ которыхъ одно сближаетъ, а другое отдаляетъ элементы другъ отъ друга. Любовь — есть у него начало соединительное; Ненависть — начало раздѣляющее. Въ процессѣ происхожденія міра «Любовь» объединила элементы и составила изъ нихъ одно сферическое тѣло, а затѣмъ восторжествовало начало — «Ненависть» и раздѣлило ихъ, образовавъ землю, океанъ, воздухъ, небеса и звѣзды. Всякое дѣйствительное бытіе, въ своемъ безконечномъ разнообразіи, основывается на соединеніи и разъединеніи элементовъ, на борьбѣ между началами любви и ненависти. Какъ ни отрывочна и темна, однако, философія Эмпедокла, она представляетъ переходъ отъ чисто метафизическихъ идей къ объясненію началами вещественными, лежащими въ самой природѣ. На этомъ основаніи его справедливо называютъ непосредственнымъ предшественникомъ атомистовъ.

— — —

АТОМИСТЫ.

ДЕМОКРИТЪ.

Демокритъ, названный смѣющимся философомъ, есть главный представитель атомистическаго ученія. Онъ родился въ срединѣ 5 столѣтія въ іонической колоніи Абдера. Посредствомъ путешествій, на которыя истратилъ большое состояніе, онъ пріобрѣлъ много познаній, изложенныхъ имъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій, отъ которыхъ до насъ дошли только немногіе и короткіе отрывки. Онъ справедливо говоритъ: «Я путешествовалъ дальше всѣхъ моихъ современниковъ, изучая мѣста самыя отдаленныя; я побывалъ въ климатахъ самыхъ разнообразныхъ и учился у мужей наиболѣе опытныхъ и умныхъ». Демокритъ былъ дѣйствительно послѣ Аристотеля наиболѣе свѣдущимъ человѣкомъ классическихъ временъ. Кромѣ обширныхъ знаній, онъ обладалъ также ораторскимъ талантомъ, вызывавшимъ удивленіе его современниковъ. Демокритъ достигъ глубокой старости; годъ смерти его неизвѣстенъ.

Въ двухъ отношеніяхъ философія Демокрита отмѣчаетъ собою новое и плодотворное направленіе: въ психологіи и метафизикѣ. Что касается психологіи, то Демокритъ первый сдѣлалъ попытку объяснить связь между дѣятельностью нашихъ чувствъ и чувственнымъ познаваніемъ. Прежніе философы говорили, что наши чувства суть источникъ заблужденій, или же, что они средство къ познанію истины. Демокритъ поставилъ вмѣсто этого вопросъ: какимъ образомъ вообще совершается чувственное познаніе, т. е. воспріятіе впечатлѣній извнѣ, будь они ложны или дѣйствительны? До той поры никто не задавался такимъ вопросомъ, и каковъ-бы ни былъ первый отвѣтъ на него, самый вопросъ представляетъ великій шагъ впередъ. На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ слѣ-

дующимъ образомъ. Всѣ предметы, проникая посредствомъ воздуха чрезъ поры чувствующаго органа въ душу, образуютъ въ ней подобія ихъ внѣшности. Такія подобія несовершенны, конечно, во-первыхъ потому, что представляютъ не самое существо, а только внѣшную форму предмета, а во-вторыхъ, потому, что они измѣняются на пути къ воспринимающему органу. Отвѣтъ, очевидно, нѣсколько примитивный, но все же имъ указанъ способъ формальнаго пріобрѣтенія знаній съ реальной, а не фантастической точки зрѣнія. Въ этой реальности объясненія и заключается заслуга Демокрита, заслуга, способствовавшая, правда, только послѣ цѣлыхъ вѣковъ, обнаруженію истины въ этомъ вопросѣ.

Что касается спеціальной части его философіи, т. е. ученія объ атомахъ, то кромѣ Левкиппа, о которомъ слишкомъ мало извѣстно, Демокритъ не имѣлъ предшественниковъ въ этомъ отношеніи. Ученіе это всецѣло принадлежитъ ему. Эмпедоклъ, напримѣръ, предполагалъ извѣстное число опредѣленныхъ, качественно различныхъ первичныхъ веществъ; Демокритъ, напротивъ, полагалъ, что есть безконечное множество основныхъ частей веществъ, одинаковыхъ по качеству и различныхъ по количеству. Это его «атомы», т. е. частицы, имѣющія, правда, протяженіе, но не дѣлимыя. Онѣ различны только по величинѣ, формѣ, виду и тяжести. Сами по себѣ онѣ не могутъ превращаться или измѣняться. Каждый процессъ этого рода объясняется только измѣненіемъ формы, порядка и положенія атомовъ. Ланге*) излагаетъ главнѣйшія изреченія Демокрита, касательно ученія объ атомахъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: «Изъ ничего и будетъ ничто; или изъ ничего не можетъ произойти что-либо... Существующее не можетъ быть уничтожено. Всякое измѣненіе не что иное, какъ соединеніе и разъединеніе частей... — Ничто не происходитъ случайно, все изъ за причины и по необходимости...—Ничего нѣтъ, кромѣ атомовъ и пустаго пространства; все другое лишь воображаемо. Есть безчисленное множество, раз-

---

*) А. Ланге. Исторія матеріализма. Одно изъ самыхъ выдающихся философскихъ сочиненій нашего вѣка. Есть русскій переводъ.

личное по формѣ... Вѣчно двигаясь въ безконечномъ пространствѣ, большіе изъ нихъ, движущіеся быстрѣе, наталкиваются на меньшіе. Отъ этого происходитъ вращеніе, служащее причиною происхожденія міра. Безграничное число міровъ постоянно образуется и исчезаетъ»...

«Различіе всѣхъ предметовъ зависитъ отъ различности ихъ атомовъ по числу, величинѣ, виду и порядку; качественнаго различія не существуетъ».

«Атомы дѣйствуютъ другъ на друга только давленіемъ.— Душа состоитъ изъ тонкихъ, гладкихъ и круглыхъ атомовъ, подобныхъ атомамъ огня. Атомы души самые подвижные; ихъ движеніе, распространяющееся по всему тѣлу, производитъ жизнь».

У Демокрита находятся и начала этики, которыя не связаны у него, впрочемъ, съ его ученіемъ объ атомахъ. Его этика родъ ученія о счастьѣ, выражающемся въ ненарушимомъ спокойствіи души. Такого состоянія человѣкъ можетъ достигнуть воздержаніемъ и господствомъ надъ собою. Не смотря на всѣ жизненныя случайности, мы можемъ достигнуть, по понятію Демокрита, такого душевнаго состоянія, какъ высшее блаженство на землѣ, посредствомъ умѣренности и душевной чистоты.

Ученіе Демокрита объ атомахъ сдѣлалось въ послѣдствіи основою всей философіи на началахъ матеріализма. Вслѣдствіе этого, атомизмъ оцѣнивался въ исторіи философіи крайне различно. Уже Аристотель разсказывалъ, ради насмѣшки надъ этимъ ученіемъ, что одному художнику удалось составить изъ атомовъ живую Афродиту. Знаменитый историкъ философіи Ритеръ объявилъ Демокрита софистомъ. Целлеръ полагаетъ, что ученіе объ атомахъ не явилось у Демокрита слѣдствіемъ дѣйствительной потребности въ познаніи природы. Болѣе благосклонно отнеслись къ этому ученію Льюисъ и авторъ «Исторіи матеріализма», Альбертъ Ланге.

СОФИСТЫ.

Слово «софистъ» долго не имѣло того значенія, какое ему придаютъ теперь. Оно употреблялось вначалѣ въ томъже смыслѣ, какъ и выраженіе философъ, т. е. любитель мудрости, мудрецъ. Около половины 5-го столѣтія это слово получаетъ другое значеніе. Софистами стали называть себя представители многочисленнаго класса греческихъ ученыхъ, преподававшихъ разныя науки за извѣстное вознагражденіе. Большая часть изъ нихъ преподавала не только философію, но граматику, краснорѣчіе и политику, а также всѣ другія отрасли тогдашняго знанія—и во всѣхъ наукахъ считали себя компетентными. Софисты стали тогда въ невыгодномъ свѣтѣ при столкновеніи какъ съ идеальною философію Сократа и Платона, такъ и съ принципами жизни истыхъ философовъ въ классическомъ смыслѣ. Прекрасно выражено это столкновеніе въ знаменитомъ разговорѣ Сократа съ софистомъ Антифономъ, какъ онъ приведенъ въ «Воспоминаніяхъ» Ксенофонта.

Однажды Антифонтъ, желая отнять у Сократа учениковъ, пришелъ къ Сократу и въ ихъ присутствіи сказалъ слѣдующее:

— Сократъ, я былъ того мнѣнія, что лица, занимающіяся философіею, должны бы болѣе или менѣе пользоваться благополучіемъ; между тѣмъ я нахожу, что ты отъ философіи получаешь совершенно противоположное. Ты живешь такъ, что подобнымъ образомъ не сталъ бы жить ни одинъ рабъ у своего господина: пищу и питье ты употребляешь бѣдныя, а одежду носишь не только бѣдную, но одну и туже какъ лѣтомъ, такъ зимой; всегда ты безъ обуви и безъ хитона. Денегъ ты тоже не берешь, тогда какъ деньги доставляютъ удовольствіе получателю, а тому, кто ихъ имѣетъ, даютъ возможность жить болѣе или менѣе независимо и пріятно. Такимъ образомъ, если ты, подобно тому, какъ учители про-

чихъ предметовъ дѣлаютъ своихъ учениковъ подражателями. также настроишь и своихъ учениковъ, то знай, что ты учитель злосчастія.

На это Сократъ отвѣчалъ: Антифонтъ, кажется, ты представляешь мою жизнь такою плачевною, что я убѣжденъ, что ты предпочелъ бы скорѣе умереть, чѣмъ жить такъ, какъ я живу. Такъ вотъ мы разсмотримъ, что ты замѣтилъ непріятнаго въ моей жизни: то-ли, что человѣку, получающему деньги, необходимо отработать то, за что онъ получилъ ихъ, тогда какъ мнѣ, не получающему платы, нѣтъ надобности вести бесѣды, съ кѣмъ я не желаю; или же ты порицаешь мой образъ жизни, потому что будто бы я употребляю пищу менѣе здоровую, чѣмъ ты, и менѣе укрѣпляющую? Или потому, что будто бы мою пищу труднѣе достать, чѣмъ твою, по ея рѣдкости и дороговизнѣ? Или же потому, что, быть можетъ, твои приправы для тебя пріятнѣе, чѣмъ мои для меня? Извѣстно ли тебѣ, что чѣмъ съ большей пріятностью кушаешь, тѣмъ менѣе надобности въ приправахъ, и чѣмъ съ большой пріятностью пьешь, тѣмъ менѣе хочется того, чего нѣтъ? Относительно же платья ты самъ знаешь, что люди перемѣняютъ его ради холода и жары, а обувь надѣваютъ для того, чтобы, въ виду того, что можетъ причинить боль ногѣ, не затрудняться на ходу. Но слышалъ ли ты когда, чтобы я вслѣдствіе холода, болѣе чѣмъ кто другой, оставался дома, вслѣдствіе жары ссорился съ кѣмъ либо за тѣнь, вслѣдствіе боли въ ногахъ не шелъ туда, куда мнѣ надо? Развѣ ты не знаешь, что люди съ слабымъ организмомъ, если только станутъ упражняться, оказываются въ предметахъ своихъ упражненій сильнѣе крѣпкихъ, но запущенныхъ организмовъ, и гораздо болѣе выносливы? Неужели ты увѣренъ, что я, пріучивъ себя переносить все, чему подвергается мой организмъ, перенесу это не легче чѣмъ ты, который не пріучилъ себя? Другое ли что ты считаешь главной причиной моей неподатливости желудку, сну и чувственнымъ влеченіямъ, а не то, что у меня есть нѣчто иное, болѣе пріятное, что не только доставляетъ мнѣ удовольствіе, когда я ощущаю потребность, но заставляетъ меня надѣяться, что всегда

будетъ полезно? Кромѣ того, ты самъ знаешь, что человѣкъ, неувѣренный въ томъ, что онъ хорошо дѣлаетъ, всегда недоволенъ, тогда какъ человѣкъ, увѣренный въ счастливомъ исходѣ,—занимается ли онъ земледѣліемъ или судоходствомъ,—всегда доволенъ, потому что чувствуетъ благополучіе. Согласенъ-ли ты теперь, что отъ всего этого бываетъ такое-же удовольствіе, какое бываетъ отъ сознанія, что дѣлаешься лучше и пріобрѣтаешь лучшихъ друзей? По крайней мѣрѣ, я всегда такъ думаю. И если бы пришлось оказать помощь друзьямъ или государству, у кого будетъ больше досуга на заботы: у того-ли, кто живетъ, какъ я, или у того, кто благоденствуетъ, какъ ты? Кому удобнѣе предводительствовать на войнѣ: тому-ли, кто не можетъ жить безъ роскошной обстановки, или тому, для кого достаточно того, что есть? И наоборотъ, кто можетъ быть скорѣе разбитъ: тотъ-ли, кто нуждается въ предметахъ, которыхъ очень трудно достать, или тотъ, кто довольствуется употребленіемъ предметовъ, которые легко достаются? По всему видно, что ты, Антифонтъ, счастіе полагаешь въ нѣгѣ и въ роскоши; но я думаю, что ни въ чемъ не нуждаться свойственно богамъ, нуждаться же какъ можно въ меньшемъ есть качество, наиболѣе близкое къ этому. Первое есть самое высокое качество, послѣднее наиболѣе близкое къ самому высокому.

Въ другой разъ Антифонтъ, разсуждая съ Сократомъ, сказалъ:—Сократъ, я могу назвать тебя человѣкомъ справедливымъ, но умнымъ ни въ какомъ случаѣ. Кажется, ты и самъ это сознаешь. Ты, напримѣръ, ни съ кого не берешь денегъ за собесѣдованіе, между тѣмъ ты же, не говорю, не отдалъ бы никому даромъ своего платья, дома или другой вещи, которую считаешь стоющею денегъ, но даже не взялъ бы меньше стоимости. Очевидно, если-бы ты считалъ свое собесѣдованіе что нибудь стоющимъ, ты бралъ бы за него деньги не менѣе стоимости. Ты, можетъ быть, справедливъ, потому что никого не обманываешь изъ-за любостяжанія, но ты не можешь быть умнымъ, потому что знаешь то, что ничего не стоитъ.

На это Сократъ отвѣчалъ: Антифонтъ, у насъ суще-

ствуетъ мнѣніе, что какъ красоту, такъ и знаніе, можно направить въ хорошую сторону и въ дурную. Если кто продаетъ свою красоту желающему за деньги, того называютъ публичнымъ мужчиной, но если кто, познакомившись съ любителемъ прекраснаго, дѣлаетъ его своимъ другомъ, того мы считаемъ благоразумнымъ. Точно также и тѣхъ людей, которые продаютъ за деньги свою мудрость желающему, называютъ софистами, тогда какъ относительно того, кто, познакомившись съ человѣкомъ даровитымъ, учитъ его, по возможности, прекрасному, мы говоримъ, что онъ занимается дѣломъ, приличнымъ вполнѣ образованному гражданину. Я самъ, Антифонтъ, гораздо болѣе радъ добрымъ друзьямъ, чѣмъ иной радъ хорошей лошади, собакѣ, птицѣ; даже представляю ихъ другимъ людямъ, которые, по моему соображенію, могутъ помочь имъ въ добродѣтели. Съ такими друзьями я просматриваю сокровища древнихъ мудрыхъ мужей, которые оставили намъ послѣднія въ своихъ сочиненіяхъ; и если мы встрѣтимъ что либо хорошее, заимствуемъ и считаемъ великой для себя прибылью, если бываемъ полезны другъ другу.

Когда я слышалъ подобныя слова, мнѣ этотъ человѣкъ казался счастливцемъ, ведущимъ своихъ слушателей къ истинному добру и красотѣ.

Еще разъ какъ-то Сократъ, на вопросъ Антифонта, какимъ образомъ онъ, Сократъ, надѣется сдѣлать другихъ государственными дѣятелями, самъ не занимаясь государственными дѣлами, хотя бы зналъ ихъ, отвѣчалъ: Антифонтъ, въ какомъ случаѣ я могъ бы болѣе выполнить политическихъ дѣлъ: тогда-ли, когда самъ ими занимался, или тогда, когда занялся бы тѣмъ, чтобы доставить какъ можно болѣе лицъ, способныхъ взяться за это дѣло? *). —

Впрочемъ, на софистовъ падаетъ неблагопріятная тѣнь не только въ сравненіи съ Сократомъ, но и при сравненіи ихъ съ мыслителями имъ предшествовавшими.

---

*) Г. А. Янчевецкій. Сочиненія Ксенофонта въ пяти частяхъ. Изд. 3-е С.-Петербургъ. 1882.

Прежніе мыслители посвящали свою жизнь изслѣдованію истины изъ чистой любви къ истинѣ и сообщали другимъ свои открытія и познанія безкорыстно; въ мирномъ уединеніи собирали они сокровища мудрости, не гонясь за славою и не старались удивлять другихъ своимъ многознаніемъ и витійствомъ; удивленіе и слава были добровольною данью ихъ заслугамъ. Серьезно предавались они предмету ихъ пытливой любознательности и мысли ихъ были полны величія; они дорожили дѣйствительностью, какъ живымъ содержаніемъ знанія, и уважали ее повсюду, въ самыхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ народа. Совсѣмъ не то были софисты. Изъ славолюбія и корысти дѣйствовали они и въ области знанія: странствовали изъ одного города въ другой, собирали вокругъ себя учениковъ и послѣдователей и за дорогую цѣну обѣщали сдѣлать ихъ и витіями и государственными мужами и учеными и добродѣтельными людьми и всѣмъ, что кому было угодно; вездѣ производили пренія и споры; безъ приготовленія произносили великолѣпныя рѣчи, въ которыхъ блескомъ и пышностію слова прикрывалась иной разъ пустота и бѣдность мысли. Особенно же употребляли все искуство діалектики на то, чтобы съ одинаковою силою умѣть говорить о каждомъ предметѣ въ пользу его и противъ; стало быть, истина была для нихъ вещію безразличной; дѣйствительность столько-же существовала для нихъ, какъ и не существовала, а при безразличіи дѣйствительности и истины не могли не пасть въ собственномъ ихъ понятіи и религіозныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія.

Самою главною и общею причиною появленія софистовъ было состояніе и требованіе умовъ тогдашняго времени. Послѣ тѣхъ подвиговъ, какими прославились греки въ персидскую войну, каждый гражданинъ свободныхъ греческихъ городовъ дошелъ до высокаго чувства самосознанія и захотѣлъ увеличить также свое значеніе въ управленіи внутренними и внѣшними дѣлами государства: это самосознаніе и желаніе преимущественно развились въ аѳинскомъ народѣ, такъ какъ Аѳины, въ это время, сдѣлались средоточіемъ всей греческой жизни. Но этой цѣли, этого значенія

и вліянія на общественныя дѣла всего скорѣе можно было достигнуть тогда силою краснорѣчія. Примѣръ Перикла въ этомъ отношеніи былъ для всѣхъ слишкомъ обольстительнымъ. Извѣстно, что этотъ великій мужъ силою своего краснорѣчія управлялъ не только Аѳинами, но и всею Греціею; а это могущество слова,—какъ всѣ полагали,—онъ почерпнулъ изъ наставленій философовъ Анаксагора и Зенона Элейскаго. Поэтому взоры всѣхъ обращены были теперь на философовъ и отъ нихъ ожидали поученія въ искуствѣ краснорѣчія. На этотъ общій вызовъ и явились наставники краснорѣчія,—софисты.

Философія не имѣла общепризнанныхъ началъ: идея добраго и праваго, истиннаго и прекраснаго стала обращать на себя вниманіе мыслителей только позже. Разсудокъ, съ его относительными началами предоставленъ былъ до тѣхъ поръ полному произволу въ сужденіяхъ о вещахъ. Въ этомъ общемъ недостаткѣ тогдашняго просвѣщенія участвовали и софисты, отличаясь отъ другихъ только тѣмъ, что не только сами довольствовались субъективнымъ мышленіемъ, но и учили юношество умствовать такъ, какъ умствовали въ то время всѣ образованные люди. Наконецъ, образованіе требуетъ не только приложенія понятій къ дѣйствительности и общихъ точекъ зрѣнія при сужденіи о вещахъ, но и умѣнія доказывать свои мысли и убѣжденія. И пока не даны общія начала, почерпаемыя изъ идей, до тѣхъ поръ резонирующій разсудокъ можетъ доказывать все, что и как угодно; опираясь на свои частныя точки зрѣнія, схватывая предметъ по ближайшимъ его внѣшнимъ отношеніямъ, а не въ самой его сущности, онъ съ одинаковою силою можетъ говорить въ пользу и противъ каждаго предмета. Такой характеръ по необходимости должно было имѣть общее образованіе грековъ во времена софистовъ. Впервые сознавъ въ себѣ могущество мысли и не стѣсняясь ни даннымъ содержаніемъ, ни опредѣленными законами и формами мышленія, образованный грекъ того времени съ дѣтскимъ своеволіемъ употреблялъ новую для него силу духа и легко доходилъ до убѣжденія, что какъ скоро дѣло идетъ о доказательствахъ, то можно доказывать все,

что угодно. Кто не имѣлъ бы въ себѣ такой гибкости мысли, того и не признали бы образованнымъ человѣкомъ. Духъ партій, борьба общественныхъ и частныхъ интересовъ, самыхъ противоположныхъ, находили теперь въ Греціи ревностныхъ приверженцевъ и защитниковъ, а слѣдовательно и относительно годныя доказательства ихъ необходимости, пользы, или правоты. Духъ изысканности или резонерства проникъ не только въ область ежедневнаго мышленія, но и въ область искусства и поэзіи; въ скульптурѣ, какъ и въ реторикѣ, явился теперь стиль изысканный и мягкій вмѣсто прежней возвышенной простоты. Въ этомъ духѣ образованія участвовали и софисты.

Софисты, каково бы ни было ихъ направленіе, своимъ ученіемъ и дѣйствіями выражали духъ своего времени. Поэтому уже одному нельзя признать ихъ лицами незначительными, пустыми говорунами и лжеумствователями, какъ обыкновенно объ нихъ думаютъ. Иначе было бы непонятно, какимъ образомъ ихъ ученіе могло имѣть такое чрезвычайное вліяніе на умы ихъ современниковъ и какимъ образомъ многіе изъ нихъ достигли высокой славы, о которой свидѣтельствуютъ даже противники ихъ по способу философствованія. Правда, что время, въ которое жили софисты и котораго были представителями, многіе считаютъ временемъ нравственной порчи, однакожъ, кто въ какомъ бы-то ни было періодѣ исторіи,—хотя бы въ періодѣ нравственнаго упадка, разгадалъ и высказалъ задачу своего времени, того можно назвать, если угодно, дурнымъ чоловѣкомъ, но ни въ какомъ случаѣ нельзя признать ничтожнымъ. А между тѣмъ время, когда удивлялись софистамъ, было не только періодомъ упадка и искаженія, но временемъ высочайшаго духовнаго образованія до какого никогда не достигали въ древнемъ мірѣ; это было время Перикла и Ѳукидита, Софокла и Фидія, Эврипида и Аристофана. Составители лживыхъ силлогизмовъ и учители безсодержательной реторики, — какъ называли софистовъ прежніе писатели исторіи философіи,—не въ состояніи были бы произвесть всеобщій переворотъ въ мысляхъ и чувствахъ грековъ, не заслуживали бы того, чтобы съ ними

вступали въ сношенія серьезный Периклъ, остроумный Эврипидъ, глубокомысленный Сократъ. И дѣйствительно, софистика заключаетъ въ себѣ хотя односторонній, но исторически необходимый моментъ, и потому имѣетъ высокое значеніе не только для исторіи образованія, но и для исторіи философіи. Софисты были энциклопедисты Греціи и обладали такимъ же богатствомъ разнообразныхъ свѣдѣній, какъ и французскіе энциклопедисты XVIII вѣка. Такъ какъ софисты занимались политикою, то по этому самому должны были имѣть много историческихъ свѣдѣній и особенно обладать искуствомъ государственнаго управленія; и мы дѣйствительно находимъ, что напримѣръ значительнѣйшій изъ софистовъ. Протагоръ училъ искусству посредствомъ слова и дѣла управлять домомъ и государствомъ; онъ сдѣлалъ также нѣсколько счастливыхъ открытій въ своихъ риторическихъ опытахъ и установилъ нѣкоторыя грамматическія категоріи. Вообще софисты пустили въ ходъ между народомъ множество общихъ знаній, посѣяли много плодоносныхъ зародышей, вызвали изслѣдованія теоретическія, логическія, грамматическія, положили начало методической обработкѣ многихъ отраслей человѣческаго знанія, и частію пробудили, частію усилили то удивительное духовное напряженіе, которымъ отличались тогда Аѳиняне *).

---

*) О. Новицкій. Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій.

Начало новаго періода въ греческой философіи.

СОКРАТЪ.

Съ Сократомъ начинается новый періодъ въ философіи грековъ. *Принципъ свободы духа*, принципъ неопредѣленно выступавшій въ софистикѣ, получилъ у Сократа свое полное выраженіе.

Въ этомъ заключается, по единогласному мнѣнію историковъ философіи, реформаторская роль Сократа. Но эта реформа выступаетъ у него не въ особой философской системѣ, а въ своеобразномъ видѣ, безпримѣрномъ во всей исторіи философіи. Отъ реформатора философскаго мышленія въ древности не осталось ни одной писанной строки, и не потому чтобы его сочиненія были затеряны, а просто потому, что онъ никогда ничего не писалъ.

Сократъ родился въ 469 г. до Р. Х. Отецъ его, Софронискъ, былъ ваятель, мать, Фенарета, повивальная бабка. Онъ получилъ образованіе свободнаго грека, состоявшее, какъ извѣстно, въ усвоеніи разныхъ «искусствъ,» входившихъ въ кругъ тогдашняго воспитанія юношества. Изъ учителей его извѣстны музыкантъ Дамонъ и софистъ Продикъ. Въ философіи онъ былъ преимущественно самоучкой, и этимъ обстоятельствомъ не мало объясняется его философская своеобразность. Раскazываютъ, что онъ въ юности занимался искусствомъ своего отца, ваяніемъ. Воспитанію юношества онъ посвятилъ себя, вѣроятно, только въ зрѣломъ возрастѣ. Въ разсказахъ о немъ его учениковъ онъ выступаетъ человѣкомъ пожилымъ, или старцемъ. Въ противоположность риторическимъ пріемамъ софистовъ, его преподаваніе отличалось простотою. Формою его преподаванія были не рѣчи къ ученикамъ, не лекціи, а разговоры, простыя бесѣды съ ними.

Онъ обыкновенно начиналъ при этомъ съ самыхъ обыкновенныхъ предметовъ и, доказывая недостаточность знакомства съ ними своихъ слушателей, возбуждалъ въ послѣднихъ желаніе дѣятельной умственной работы. Онъ училъ всюду, гдѣ находилъ слушателей, на рынкахъ, въ мастерскихъ, въ «гимназіяхъ» и былъ вообще одинаково неразборчивъ какъ относительно мѣста преподаванія, такъ и относительно предмета. Онъ бесѣдовалъ то о государственныхъ дѣлахъ то о частной жизни, то о нравственности, то о промышленности и проч. Нѣтъ стороны жизни, которой онъ не коснулся-бы въ своихъ бесѣдахъ; во всемъ онъ велъ отъ фактовъ къ идеѣ необходимости нравственнаго самопознанія. Эта идея была исходною точкою и цѣлью его философіи.

Вся его философія содержится въ его своеобразной жизни, выраженіемъ которой служатъ дошедшія до насъ болѣе или менѣе достовѣрныя его бесѣды, сохранившіяся въ трудахъ его учениковъ, Ксенофона и Платона. Самая личность его есть въ нѣкоторомъ смыслѣ его ученіе.

О личности Сократа Ксенофонтъ, ученикъ его, разсказываетъ слѣдующее.

«Сократъ всегда былъ на виду, потому что онъ не только утромъ отправлялся въ мѣста для гулянья и въ гимназіи, а когда рынокъ наполнялся народомъ былъ видѣнъ тамъ, но и остальную часть дня всегда проводилъ тамъ, гдѣ могло собраться наибольше народа. Тамъ онъ говорилъ очень много, и желающіе могли слышать. Но никто никогда не видѣлъ и не слышалъ, чтобы Сократъ дѣлалъ или говорилъ что-либо безбожное или преступное. Даже о природѣ вещей онъ разсуждалъ не такъ, какъ большая часть другихъ (философовъ). Онъ не касался того, какъ произошелъ такъ называемый софистами «космосъ» и по какимъ законамъ происходитъ каждое небесное явленіе; и даже излѣдовавшихъ таковые вопросы выставлялъ чудаками. Онъ дрежде всего доискивался, приступаютъ-ли они къ ислѣдованію этихъ вопросовъ, полагая что достаточно знаютъ человѣческое, или же они думаютъ, что дѣлаютъ дѣло, оставивъ человѣческое и разбирая сверхъестественное. Онъ даже находилъ

страннымъ, что эти люди не понимаютъ невозможности изслѣдованія небесныхъ явленій, когда даже мудрецы, славящіеся говореніемъ о таковыхъ предметахъ, не только учатъ не одинаково, но относятся одинъ къ другому, какъ сумасшедшіе. Потому что, какъ между сумасшедшими одни не боятся ужаснаго, другіе пугаются того, что вовсе не страшно; одни не считаютъ дурнымъ дѣлать или говорить что-либо при людяхъ, другіе думаютъ, что не слѣдуетъ даже выходить къ людямъ; одни не признаютъ рѣшительно ничего—ни храмовъ, ни жертвенниковъ, ничего изъ предметовъ священныхъ, другіе кланяются передъ всякимъ камнемъ, деревомъ, животнымъ: такъ точно и между толкователями мірозданія одни признаютъ единое сущее, другіе—многое множество; одни полагаютъ, что все находится въ вѣчномъ движеніи, другіе—что ничто никогда не можетъ двигаться; одни находятъ, что все рождается и уничтожается, другіе—что ничто не можетъ ни родиться, ни погибнуть.

Кромѣ того Сократъ наблюдалъ у философовъ еще вотъ что: какъ тѣ, которые изучивши человѣческое знаютъ, что свои свѣдѣнія могутъ приложить и къ себѣ и къ кому пожелаютъ, то такъ-ли думаютъ и изслѣдующіе божественное, что, когда узнаютъ, что и по какимъ причинамъ происходитъ, сдѣлаютъ по желанію и вѣтеръ, и дождь, и времена года и т. п., или же они ничего подобнаго не ожидаютъ, и для нихъ достаточно только знать, какъ происходитъ каждое явленіе?

Такъ говорилъ Сократъ о лицахъ, занимавшихся этими вопросами. Самъ же онъ всегда разсуждалъ только о вопросахъ, касавшихся человѣка, разбирая, въ чемъ состоитъ благочестіе, въ чемъ нечестіе; въ чемъ благоприличіе, въ чемъ стыдъ, въ чемъ правота и неправота, въ чемъ благоразуміе и неблагоразуміе, въ чемъ мужество и трусость; что такое государственный дѣятель; что такое управленіе людьми, что такое правитель и такъ далѣе. Знающихъ эти предметы онъ считалъ людьми образованными, а не знающихъ, по его мнѣнію, можно, вполнѣ справедливо, назвать рабскими душами.

Когда онъ былъ сенаторомъ и далъ присягу судить по законамъ, то, въ то время какъ народное собраніе противо-

законно, за однимъ голосованіемъ, требовала казни девяти полководцевъ, сотоварищей Ѳрасилла и Эрасинида, онъ, какъ эпистатъ дема (предсѣдатель народнаго собранія), не допустилъ собиранія голосовъ, не смотря на то что народъ негодовалъ, а многія вліятельныя лица даже грозили. Сократъ предпочелъ вѣрность присягѣ противозаконному угожденію собранію и боязни угрозъ, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что боги заботятся о людяхъ далеко не такъ, какъ думаетъ большинство, которое полагаетъ, что боги одно знаютъ, другого не знаютъ. Онъ былъ того мнѣнія, что боги знаютъ все: и то что говорится, и то что, дѣлается и то что замышляется въ душѣ; что боги вездѣсущи и даютъ человѣку указанія на всѣ вопросы, касающіеся человѣка.

Сократъ былъ самый воздержный человѣкъ въ чувственныхъ влеченіяхъ, въ пищѣ; во вторыхъ, былъ самый выносливый въ холодѣ, зноѣ и всякомъ трудѣ; и наконецъ, такъ пріучилъ себя къ скромнымъ желаніямъ, что располагая чрезвычайно малымъ, былъ совершенно доволенъ.

Онъ никогда и не вызывался быть учителемъ, а только, будучи таковымъ по виду, давалъ поводъ своимъ собесѣдникамъ надѣяться, что, подражая Сократу, они сами будутъ такими-же.

Не нерадѣлъ онъ и о своемъ здоровьи и не хвалилъ небрежныхъ. Онъ осуждалъ изнеможеніе и только то насыщеніе признавалъ достаточнымъ, когда душа принимаетъ охотно. Такой образъ жизни, по словамъ Сократа, вполнѣ соотвѣтствуетъ здоровью и вмѣстѣ съ тѣмъ не стѣсняетъ заботъ о душѣ. Далѣе. Сократъ не былъ изнѣженъ или прихотливъ въ одеждѣ, обуви или въ чемъ либо подобномъ; не дѣлалъ онъ своихъ послѣдователей и любостяжательными; онъ вообще удерживалъ ихъ отъ прихотей и даже не бралъ денегъ съ лицъ, жадно его слушавшихъ. Отказываясь отъ всего, онъ полагалъ, что заботится о свободѣ, и тѣхъ людей, которые берутъ плату за уроки, называлъ самопоработителями, потому что они обязываютъ себя вести бесѣды съ тѣми лицами, у которыхъ взяли плату. Онъ находилъ даже страннымъ, если кто либо, оповѣщая добродѣтель, беретъ за это

деньги, не понимая, что онъ получитъ огромный выигрышъ въ пріобрѣтеніи хорошаго друга, а какъ будто боится, чтобы тотъ кто станетъ хорошимъ другомъ, не питалъ признательности за эту услугу. Сократъ никогда никого ни о чемъ подобномъ не оповѣщалъ. Онъ зналъ, что ученики, усвоивъ его убѣжденія, всю жизнь будутъ преданными друзьями какъ къ нему, такъ другъ къ другу.

Относительно Сократа извѣстно было также, что это человѣкъ преданный народу и всему человѣчеству. Принявъ въ свои ученики многихъ соотечественниковъ и иностранцевъ, онъ ни съ кого никогда не бралъ платы за ученіе, и всѣхъ щедро надѣлялъ изъ того, что имѣлъ, такъ что нѣкоторые, получивъ у него небольшую часть и при томъ совершенно даромъ, продавали другимъ, и все таки не были такъ преданы народу, какъ онъ, потому что не хотѣли вести бесѣдъ съ людьми, не имѣвшими денегъ.

Сократъ, не въ примѣръ другимъ, доставлялъ славу Аѳинамъ далеко болѣе, чѣмъ извѣстный въ этомъ отношеніи лакедемонянинъ Лихасъ, который угощалъ пріѣзжавшихъ въ Лакедемонъ иностранцевъ, тогда какъ Сократъ цѣлую жизнь надѣлялъ всѣхъ желающихъ тѣмъ, что у него было, и приносилъ имъ величайшую пользу, потому что отпускалъ отъ себя учениковъ, дѣлая ихъ лучше *)».

Но сколько ни распространяется о Сократѣ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Ксенофонтъ, нигдѣ его высокій образъ не выступаетъ такъ опредѣленно, какъ въ словахъ, влагаемыхъ ему Платономъ въ уста во время суда надъ нимъ за распространеніе вредныхъ ученій.

«Не знаю, Аѳиняне, говоритъ Сократъ какое впечатлѣніе произвели на васъ слова обвинителей моихъ; что же касается до меня, то едва они не разувѣрили меня во мнѣ самомъ, до того говорили они убѣдительно; а впрочемъ смѣю положительно увѣрить васъ, что въ ихъ словахъ нѣтъ и тѣни правды. Изъ ихъ ложныхъ увѣреній, одно наиболѣе удивило меня: это то, что они предостерегаютъ васъ, какъ бы я васъ не обольстилъ

*) Г. А. Янчевицкій. Сочиненія Ксенофонта.

моимъ краснорѣчіемъ. Не опасаться улики въ противномъ, которую я сейчасъ и представлю въ этомъ обличительномъ словѣ, чуждомъ прикрасъ краснорѣчія, показалось мнѣ въ моихъ противникахъ высшею степенью безстыдства; но можетъ быть подъ краснорѣчивымъ разумѣютъ они того, кто говоритъ истину; въ такомъ случаѣ сознаюсь, что я ораторъ, но не по ихъ способу. Повторяю, противники мои не сказали ничего справедливаго. Всю истину, Аѳиняне, узнаете вы отъ меня и не въ рѣчи изысканной и убранной всѣми цвѣтами краснорѣчія, какова была рѣчь противниковъ моихъ, но въ словахъ простыхъ и притомъ такъ, какъ они будутъ мнѣ приходить въ голову. Въ одномъ могу васъ увѣрить, что я буду говорить только истину, и этого одного вы и должны ожидать отъ меня, Аѳиняне; въ моихъ теперешнихъ преклонныхъ лѣтахъ, мнѣ неприлично будетъ брать на себя личину молодаго человѣка, который слова свои располагаетъ съ искусствомъ.

А потому, Аѳиняне, буду просить васъ объ одномъ снисхожденіи: если въ теперешней моей оправдательной рѣчи я буду говорить тѣмъ же самымъ языкомъ, какой привыкъ употреблять на общественной площади, въ лавкахъ купцовъ, гдѣ многіе изъ васъ меня слышали и въ другихъ мѣстахъ, то вы не удивляйтесь и не сердитесь на меня: вспомните, что мнѣ уже 70 лѣтъ, и что я первый разъ являюсь передъ судебнымъ трибуналомъ, а потому чуждъ мнѣ тотъ языкъ, который привыкли употреблять здѣсь. Будь я иностранецъ, вѣдь вы снисходительно стали бы смотрѣть на то, если бы я сталъ говорить языкомъ страны мнѣ родной; но и теперь должны вы быть снисходительными къ моей справедливой просьбѣ — предоставить мнѣ свободный выборъ выраженій моей рѣчи, — хороши ли они будутъ или дурны, и со вниманіемъ слѣдить только за сущностью ея — буду ли я гововить истину или нѣтъ. Въ томъ-то и заключается настоящая обязанность судьи, какъ обязанность оратора есть — говорить правду.

И такъ, Аѳиняне, надобно мнѣ защищаться и употребить всѣ мои усилія, чтобы уничтожить въ вашихъ умахъ и при-

томъ въ короткое время, предубѣжденіе противъ меня, которое давно уже въ васъ поселено. Желалъ бы я успѣть въ томъ, если это будетъ къ моей и вашей пользѣ. Желалъ бы я болѣе всего оправдаться; но понимаю, что это весьма трудно и не стараюсь себя обмануть въ этомъ отношеніи — и такъ пусть будетъ то, что угодно богамъ! Законъ повелѣваетъ мнѣ защищать себя, надобно ему повиноваться.

Начнемъ съ главной мысли, которая лежитъ въ основаніи обвиненія, клеветою на меня воздвигнутаго, обвиненія, которое придало Мелиту смѣлость потребовать меня на вашъ судъ. Надобно прочесть обвиненіе, которое противники мои скрѣпили клятвою: «Сократъ — это преступный человѣкъ; онъ старается проникнуть въ то, что земля и небо представляютъ таинственнаго, выставляетъ ложь за истину и преподаетъ другимъ это ученіе». Таковъ обвинительный актъ. Тоже видѣли вы въ комедіи Аристофана: тамъ выставленъ какой-то Сократъ, который говоритъ, что онъ прогуливается по воздуху и высказываетъ тысячи самыхъ нелѣпыхъ мнѣній о такихъ предметахъ, въ которыхъ я ничего не понимаю. Не заключайте изъ этого, чтобы я ни во что ставилъ этотъ родъ познаній; можетъ быть есть люди и въ немъ искусные (опасаюсь, какъ бы и тутъ не подать поводъ Мелиту говорить противъ меня); но по истинѣ, Аѳиняне, не занимаюсь я этою наукою, и, въ доказательство справедливости словъ моихъ, могу представить свидѣтельство многихъ изъ васъ. А потому заклинаю всѣхъ тѣхъ, — а ихъ между вами весьма много, — которые присутствовали при моихъ бесѣдахъ — поговорите и разъясните другъ другу это дѣло; припомните, касался ли я когда нибудь прямо или вскользь этого предмета, и изъ справедливости этого обвиненія можете посудить о справедливости всѣхъ прочихъ слуховъ, распущенныхъ обо мнѣ въ народѣ.»

Послѣ того, какъ онъ признанъ былъ виновнымъ 281 голосомъ противъ 275, бывшихъ за него, онъ сказалъ слѣдующее:

«Аѳиняне, приговоръ, вами произнесенный, не произвелъ никакого во мнѣ волненія. Много причинъ тому, что онъ не

смутилъ меня; но главная, я полагаю, та, что для меня случившееся не было неожиданнымъ дѣломъ. Меня даже удивляетъ число голосовъ, поданныхъ за меня и противъ меня; не ожидалъ я, что буду осужденъ такимъ малымъ перевѣсомъ обвинительныхъ шаровъ. Ясно, что если бы три шара еще упали на мою сторону, то я былъ бы оправданъ и тогда я ускользнулъ бы отъ Мелита; а если бы Анитъ и Ликонъ *) не соединились съ нимъ за одно въ обвиненіи противъ меня, то онъ былъ бы осужденъ къ пенѣ въ тысячу драхмъ за то, что не получилъ въ свою пользу пятой части голосовъ.

И такъ, онъ требуетъ мнѣ смертнаго приговора; пусть случится по его желанію; но, Аѳиняне, къ какому же наказанію приговорю я самъ себя? Къ такому, конечно, которое я по совѣсти заслуживаю; но въ чемъ же оно будетъ заключаться? Какое наказаніе или какую пеню заслужилъ я—я, который не зналъ покоя въ продолженіе моей жизни, пренебрегши все, что для людей составляетъ главный предметъ стремленій, какъ то богатства, заботу о домашнихъ дѣлахъ, должности начальниковъ и ораторовъ и другія почести.

За такого рода образъ дѣйствій что заслужилъ я отъ васъ, Аѳиняне? Награду, если вы хотите поступить въ отношеніи ко мнѣ такъ, какъ я заслуживаю и даже такую награду, которая всего приличнѣе мнѣ. А какая же награда болѣе другихъ прилична человѣку бѣдному, оказавшему вамъ пользу и болѣе всего имѣющему нужду въ свободномъ времени для того, чтобы подавать вамъ благіе совѣты? Конечно, Аѳиняне, такого человѣка нужно содержать на общественный счетъ въ Пританеѣ; онъ, по моему убѣжденію, болѣе того заслуживаетъ, чѣмъ тотъ, который на Олимпійскихъ играхъ одержитъ побѣду въ состязаніи лошадьми или колесницами двухъ и четырехъ-конными. Этотъ послѣдній сдѣлалъ васъ довольными только повидимому да и на минуту, тогда какъ я научаю васъ быть истинно счастливыми: первый не имѣетъ никакой нужды въ вашемъ благодѣяніи, а я край-

---

*) Мелитъ, Анитъ и Ликонъ главные его обвинители.

нюю. И такъ, если отъ меня требуютъ признанія въ томъ, чего я, по моему убѣжденію, заслуживаю, то я вамъ объявляю. что я заслуживаю быть принятымъ на остальную жизнь въ Пританей на общественное содержаніе.

Если бы у васъ былъ въ ходу законъ, принятый другими народами, у которыхъ вопросъ о жизни и смерти человѣка рѣшается послѣ разсужденій, продолжающихся не одинъ день, а нѣсколько, то я льщу себя надеждою, что наконецъ я убѣдилъ бы васъ въ моей невинности; но въ такое короткое время невозможно мнѣ разрушить въ васъ предубѣжденіе, вкоренившееся въ васъ отъ многихъ ложныхъ обвиненій. Будучи убѣжденъ, что я никому не сдѣлалъ зла, не хочу и самъ себѣ его причинять и брать на себя то, будто я заслуживаю наказаніе и присудить себя къ которому нибудь изъ его видовъ. Предпочту ли я заключеніе въ оковы? Но къ чему же жизнь въ темницѣ въ рабской зависимости отъ одиннадцати сановниковъ, которые безпрестанно мѣняются? Денежную ли пеню и тюремное заключеніе, пока я ее выплачу? Но для меня это наказаніе все тоже, что и первое, потому что мнѣ нечѣмъ заплатить пеню. Предпочту ли я ссылку? И вы можетъ быть изберете мнѣ это наказаніе; но, Аѳиняне, въ такомъ случаѣ надобно предположить во мнѣ уже столь сильную привязанность къ жизни, что она затемнила во мнѣ разсудокъ; а иначе какъ мнѣ не понять, что если вы, сограждане мои, не могли ужиться съ моимъ образомъ дѣйствій и выраженія, и до того ихъ возненавидѣли, что хотите во что бы то ни стало избавиться отъ меня самого, то найдутся ли чужестранцы, которые перенесутъ ихъ съ большею снисходительностью? Трудно ожидать этого, Аѳиняне, а для меня какое будетъ пріятное существованіе въ тѣ лѣта, до которыхъ я дожилъ,—оставить отечество и скитаться изъ города въ городъ бѣднымъ изгнанникомъ. Я знаю, что вездѣ, куда бы я ни пришелъ, молодые люди все равно, какъ и здѣсь, захотятъ меня слушать. Если я ихъ отъ себя отгоню, то они безъ труда уговорятъ своихъ старшихъ согражданъ прогнать меня; если же я ласково съ ни-

ми обойдусь, то ихъ отцы и родственники все таки выгонятъ меня изъ за нихъ же.

Но, можетъ быть, кто нибудь изъ васъ скажетъ мнѣ: «неужели тебѣ, Сократъ, нельзя, вышедши изъ нашего города, оставаться въ покоѣ и хранить молчаніе? Въ этомъ то отношеніи, мнѣ кажется, всего труднѣе понять намъ другъ друга. Если я скажу, что поступить такъ, какъ вы мнѣ посовѣтуете, значило бы ослушаться божества, и что для меня невозможно оставаться въ бездѣйствіи, то вы мнѣ конечно не повѣрите и отвѣтъ мой сочтете за шутку. Съ другой стороны, если я вамъ скажу, что высшее наслажденіе для человѣка бесѣдовать каждый день о добродѣтели и о другихъ предметахъ, о которыхъ вы слышали меня разсуждающимъ, когда я испытывалъ себя и другихъ; что, по моему убѣжденію, жизнь безъ сознанія и безъ изслѣдованія—недостойна человѣка, то вы мнѣ повѣрите еще менѣе. А впрочемъ, судьи, это вполнѣ справедливо, хотя въ этомъ убѣдить трудно. Впрочемъ, не думайте, чтобы я считалъ себя безукоризненнымъ человѣкомъ, и чтобы я не хотѣлъ перенести на себѣ нѣкоторую невзгоду. Будь я богатъ, я охотно присудилъ бы себя къ такому денежному штрафу, который я былъ бы въ силахъ заплатить; такое наказаніе не причинило бы мнѣ существеннаго вреда. Но при теперешнемъ моемъ положеніи.... вѣдь у меня ничего нѣтъ... развѣ вы положите на меня такое денежное взысканіе, которое я въ состояніи заплатить; а я могу, кажется, собраться съ силами заплатить вамъ мину серебра. Впрочемъ, Платонъ, который здѣсь стоитъ, Критонъ, Критобулъ, и Аполлодоръ совѣтуютъ мнѣ предложить за себя тридцать минъ и предлагаютъ быть въ томъ поруками. А потому, Аѳиняне, я присуждаю себя къ такому денежному взысканію и надѣюсь, что поручительство, представляемое мною въ этой суммѣ, надежно.»

Судьи вновь подаютъ голоса о родѣ наказанія; осужденный на смерть, Сократъ продолжаетъ:

«Аѳиняне, прійдетъ время и оно недалеко, что тѣ люди, которые захотятъ о нашемъ отечествѣ выразиться дурно, поставятъ вамъ въ упрекъ и вину то, что вы предали смер-

ти мудраго Сократа. *Мудрымъ* меня назовутъ они, не потому, чтобы я дѣйствительно былъ имъ, но чтобы сдѣлать оскорбленіе для васъ чувствительнѣе. Имѣй вы терпѣніе подождать нѣсколько времени—то, чего вы желаете, случилось бы само собою и вы присутствовали бы при моей смерти. По истинѣ, всмотритесь въ меня, Аѳиняне, вѣдь я старъ, вѣдь я очень близокъ къ смерти. То, что я скажу сейчасъ, будетъ относиться не ко всѣмъ вамъ, но только къ тѣмъ изъ васъ, которые осудили меня на смерть. Имъ то я скажу: Аѳиняне, можетъ быть вы думаете, что я погибну оттого, что я не нашелъ словъ, достаточныхъ къ вашему убѣжденію, что я не считалъ себѣ позволеннымъ все говорить и все дѣлать, лишь бы спасти жизнь. Нѣтъ, не недостатокъ во мнѣ краснорѣчія погубилъ меня, а то, что во мнѣ мало дерзости и безстыдства. Я гибну отъ того, что не хотѣлъ говорить съ вами тѣмъ языкомъ, слышать который вы привыкли, что я не хотѣлъ прибѣгнуть къ мольбамъ и слезамъ, что я не хотѣлъ поступить такъ, какъ я считалъ для себя недостойнымъ, но какъ до меня дѣлали многіе обвиненные и тѣмъ пріучили васъ къ подобнымъ зрѣлищамъ. Мнѣ же самая опасность, въ которой я нахожусь, не могла казаться достаточнымъ оправданіемъ для того, чтобы мнѣ поступить, въ чемъ либо такъ, чтобы это было недостойно свободнаго гражданина; и теперь я въ душѣ доволенъ собою, что я дѣло мое защищалъ именно такъ, а не иначе. Предпочитаю умереть, поступивъ такъ, чѣмъ быть обязаннымъ жизнью какой нибудь низости. Мнѣ кажется, что и передъ судьями и передъ врачами какъ мнѣ, такъ и всякому другому, не всѣ средства позволительны для того, чтобы избѣжать смерти. Каждый знаетъ, что нерѣдко на войнѣ легко бываетъ избѣжать смерти, бросивъ оружіе и прося пощады у непріятелей, которые преслѣдуетъ; какой бы опасности кто ни подвергался, но всегда есть тысячи средствъ избѣгнуть ее, какъ только позволить себѣ все говорить и все дѣлать. Аѳиняне, смерти легче избѣжать, чѣмъ преступленія; послѣднее дѣйствуетъ быстрѣе смерти. Потому то я, отяжелѣвъ и одряхлѣвъ отъ лѣтъ, далъ себя поймать смерти, которая идетъ

медленнѣе; а мои обвинители, какъ ни ловки и ни быстры они, не ушли отъ преступленія, которое дѣйствуетъ скорѣе. И такъ, мнѣ остается принять смерть, на которую вы меня осудили; на васъ же ляжетъ позоръ и преступленіе, которые приговоръ истины положитъ на васъ. Я доволенъ своею участью, какъ и мои противники своею. Такъ вѣрно суждено случиться и я нахожу, что все сдѣлалось такъ, какъ ему слѣдуетъ быть въ порядкѣ вещей.

Впрочемъ, вотъ что я предскажу вамъ, которые меня осудили—я же теперь нахожусь въ такомъ положеніи, какъ всѣ люди, готовые оставить здѣшнюю жизнь, а именно — яснѣе читаю въ будущемъ. И такъ, вы, которымъ нужна была моя гибель, знайте, что, вслѣдъ за моею смертью, вы потерпите наказаніе, и оно, клянусь Зевсомъ, будетъ гораздо ужаснѣе того, которое мнѣ причинитъ смерть. Вѣдь надо правду сказать: вы осудили меня въ надеждѣ, что вамъ послѣ меня уже некому будетъ отдавать отчетъ въ образѣ жизни вашей; но я долженъ объявить вамъ, что случится совсѣмъ напротивъ. Вы увидите, что противъ васъ явится гораздо большее число обличителей, которыхъ я сдерживалъ такъ, что сами вы того не знали и они тѣмъ строже будутъ поступать въ отношеніи къ вамъ, чѣмъ они моложе, а вы оттого сдѣлаетесь только раздражительнѣе. Если же вы того убѣжденія, что надобно казнить смертью людей, которые будутъ стараться изобличать вашу дурную жизнь и воздерживать васъ отъ нея, то вы находитесь въ жестокомъ заблужденіи. Такое средство налагать молчаніе на обличителей и не честно и не всегда удобоисполнимо. Есть другое гораздо легче и благороднѣе; это—не насильственно зажимать рты другимъ, но стараться быть сколько возможно добродѣтельнѣе. Вы, которые меня осудили, вотъ предсказанія, которыя я оставляю вамъ при разставаніи съ вами!

А вы, чьи голоса были поданы въ мою пользу,—воспользуемся тѣмъ временемъ, пока судьи заняты и не ведутъ еще меня въ то мѣсто, гдѣ я долженъ умереть, я съ вами еще побесѣдую охотно по поводу того, что случилось. И такъ, Аѳиняне, побудьте еще нѣсколько минутъ здѣсь; ничто не

мѣшаетъ намъ воспользоваться тѣмъ краткимъ временемъ, которое мнѣ оставляютъ. Вамъ, какъ друзьямъ, разскажу я одно обстоятельство, которое случилось со мною и объясню вамъ, что оно значитъ. О судьи (обращаясь къ вамъ съ этимъ воззваніемъ, я даю вамъ только то наименованіе, которое вы вполнѣ заслуживаете), со мною въ нынѣшній день случилось явленіе необыкновенное. Всегдашній мой внутренній голосъ, который такъ часто бесѣдовалъ во мнѣ въ продолженіе моей жизни и который, въ случаяхъ гораздо менѣе важныхъ, предостерегалъ меня противъ угрожавшаго мнѣ зла, теперь, когда со мною случилось то, чему вы всѣ были свидѣтелями, то, что можно считать и обыкновенно считаютъ величайшимъ несчастіемъ, какое только можетъ постигнуть человѣка—этотъ божественный голосъ не остановилъ меня ни утромъ при выходѣ изъ дому, ни тогда, когда я явился передъ судилище; онъ молчалъ во все время, когда я говорилъ къ вамъ; а онъ нерѣдко останавливалъ меня среди прежнихъ бесѣдъ моихъ. Теперь онъ—этотъ божественный голосъ—не воспротивился ни одному изъ моихъ дѣйствій, ни одному изъ словъ моихъ. Чему я долженъ приписать это молчаніе? Я вамъ объясню причину. Это даетъ поводъ заключить, что случившееся со мною есть благо и что мы конечно находимся въ заблужденіи, считая смерть зломъ. По крайней мѣрѣ, я имѣю тому очевидное доказательство: иначе было бы невозможно, чтобы внутренній голосъ мой не предупредилъ меня въ томъ, что меня ожидаетъ зло.

Присоединю и еще нѣкоторыя размышленія, которыя должны подать намъ большую надежду, что смерть есть благо. Смерть необходимо представляетъ одно изъ двухъ: или она есть совершенное прекращеніе всякаго бытія и чувства, или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, она предполагаетъ только видоизмѣненіе бытія и переходъ души изъ одной среды въ другую. Если смерть есть совершенное прекращеніе чувства и если она походитъ на глубокій сонъ человѣка безо всякихъ видѣній, то въ такомъ случаѣ она есть благодѣтельное явленіе. Возьмите одну такую ночь, проведенную безъ видѣній и поставьте въ сравненіе съ этою столь покой-

ною ночью всѣ другія ночи и дни вашей жизни, и скажите откровенно—много ли во всей вашей жизни провели вы дней и ночей покойнѣе и пріятнѣе? И это справедливо не только въ отношеніи къ частному человѣку: но и самъ великій царь (Персидскій), можетъ насчитать немного такихъ покойныхъ ночей, проведенныхъ имъ, сравнительно съ другими ночами и днями его жизни. Будь и таково свойство смерти, то я смотрю на нее какъ на благодѣяніе: вся вѣчность въ такомъ случаѣ для насъ есть одна покойная безконечная ночь. Но если смерть заключаетъ въ себѣ только перемѣну бытія, и если справедливо общепринятое мнѣніе, что всѣ души собираются въ одно мѣсто, то какое выше счастіе, о судьи, можетъ быть для души? Она, вырвавшись отъ земныхъ судей, такъ во зло употребляющихъ это названіе, прилетѣвъ въ эту обитель смерти, встрѣтитъ истинныхъ нелицемѣрныхъ судей, которые, по общепринятому вѣрованію, даютъ тамъ судъ и расправу—Миноса, Эака, Радаманта, Триптолема и всѣхъ другихъ полубоговъ, которые, въ продолженіе жизни, любили правду. Это ли странствованіе души назовете несчастіемъ? Чего не далъ бы каждый изъ васъ, чтобы побесѣдовать съ Орфеемъ, Музеемъ, Гезіодомъ, Гомеромъ! Что касается, покрайней мѣрѣ, меня, то будь я убѣжденъ, что по смерти буду пользоваться обществомъ этихъ великихъ людей, я готовъ былъ бы, если то нужно, умереть нѣсколько разъ. Какая радость была бы для меня встрѣтитъ тамъ Паламеда, Аякса, Теламонова сына, или иного кого изъ людей прежнихъ поколѣній, сдѣлавшагося, какъ и я, жертвою несправедливаго приговора. Для меня интересно было бы, находясь въ подобномъ положеніи, сравнить мои чувства съ ихъ чувствами. Но величайшимъ для меня наслажденіемъ было бы—разспрашивать и изслѣдовать жителей тѣхъ мѣстъ точно такъ, какъ я поступалъ здѣсь, на землѣ, и узнавать такимъ образомъ истинно мудрыхъ людей отъ тѣхъ, которые считаютъ себя такими, будучи на дѣлѣ далеки отъ мудрости. Какою цѣною, о судьи, можно купить бесѣду съ тѣмъ царемъ, который повелъ къ стѣнамъ Трои столь сильное войско, или съ Улисомъ, Сизифомъ, и множествомъ дру-

гихъ замѣчательныхъ людей обоего пола, съ которыми жить и пользоваться ихъ обществомъ, распрашивая ихъ о разныхъ предметахъ, было бы величайшимъ наслажденіемъ. Такъ, по-краней мѣрѣ, нельзя опасаться смерти ни по какому поводу: обитатели этого счастливаго мѣста между другими выгодами, которые дѣлаютъ ихъ на много счастливѣе обитателей земли, пользуются безсмертною жизнью, — если, по крайней мѣрѣ, справедливо обще-принятое объ этомъ убѣжденіе.

А потому, судьи мои, смотрите на смерть съ отрадною надеждою и имѣйте постоянно въ памяти только ту истину, что для человѣка добраго, нѣтъ зла ни въ продолженіи жизни, ни послѣ смерти, и что боги никогда не покидаютъ его. То, что сегодня со мною приключилось, не есть дѣло случая; но мнѣ по крайней мѣрѣ ясно, что теперь же умереть и избавиться такимъ образомъ отъ жизненныхъ трудовъ—есть лучшее, что со мною въ настоящее время можетъ случиться. Потому-то молчалъ мой всегдашній внутренній голосъ, и потому не имѣю я въ душѣ ничего враждебнаго ни противъ судей, которые присудили меня къ смерти, ни противъ обвинителей. Впрочемъ, не того хотѣли они, обвиняя меня и произнося мой приговоръ; они намѣревались сдѣлать мнѣ зло, и въ этомъ отношеніи имѣю я поводъ жаловаться на нихъ. Какъ бы то ни было, сограждане, у меня осталась къ вамъ одна просьба: когда сыновья мои придутъ въ зрѣлый возрастъ, заботьтесь объ ихъ нравственномъ совершенствованіи, обличая ихъ такъ, какъ я васъ обличалъ. Если увидите, что они ищутъ богатствъ или другаго чего преимущественно передъ добродѣтелью и если они вообразятъ, что они есть что нибудь, тогда какъ они ничто; то вы упрекните ихъ въ томъ точно также, какъ я поступалъ въ отношеніи къ вамъ. Если вы меня послушаетесь въ этомъ, то ни я, ни дѣти мои не вправѣ будемъ жаловаться на ваше правосудіе. Но время намъ разстаться: я долженъ идти на смерть, вы останетесь наслаждаться жизнью. Кому изъ насъ достался лучшій удѣлъ, это—тайна для всѣхъ насъ, и извѣстно одному Богу.» *)

*) А. Клевановъ. Философскія бесѣды Платона въ русскомъ переводѣ. Москва. 1861.

Вся философія Сократа есть плодъ его стремленія воплотить въ своей жизни высшую человѣческую нравственность. Она имѣетъ поэтому существенно *этическій* характеръ.

Сократъ первый далъ философское основаніе ученію о безсмертіи души, и въ этомъ его ученіи явно сказывается тѣсная связь между его философскими идеями и его повседневными жизненными стремленіями. Въ своемъ «Федонѣ» Платонъ передаетъ разговоръ Сократа о безсмертіи души. Разговоръ происходитъ между Сократомъ и нѣсколькими его учениками въ тѣ дни, когда философъ ожидалъ исполненія надъ нимъ смертнаго приговора.

Душа человѣка невещественна, и изъ этого міра удаляется къ божеству благому и мудрому въ мѣсто, соотвѣтствующее ея природѣ, то есть чистое, прекрасное, не вещественное, мѣсто, которое основательно называютъ міромъ невидимымъ, куда скоро, по волѣ Божіей, должна удалиться и душа моя. А потому, если душа такова сама по себѣ и если такова ея сущность, то неужели она, лишь только оставитъ тѣло, должна тотчасъ разсѣяться въ воздухѣ и уничтожиться, какъ думаетъ большая часть людей? Этому весьма трудно повѣрить, любезные друзья; напротивъ, случается вотъ что: если душа оставляетъ тѣло, чуждая его страстей, не увлекая ничего тѣлеснаго съ собою, если она не имѣла съ тѣломъ никакихъ добровольныхъ отношеній, но старалась сосредоточиваться сама въ себѣ, и жить болѣе своею духовною жизнью (а такое препровожденіе времени состоитъ въ занятіи философіею, которая учитъ умирать для тѣла добровольно).... вѣдь ты раздѣляешь мой образъ мыслей, Цебесъ?

— Вполнѣ.

А потому, если душа оставляетъ тѣло въ этомъ состояніи, она стремится къ тому, что ей подобно, то есть ко всему невещественному, божественному, безмертному и премудрому, и, по достиженіи этой цѣли, наслаждается полнымъ благополучіемъ, не доступная болѣе заблужденіямъ, ошибкамъ, опасеніямъ, безпорядочнымъ порывамъ страстей и другимъ бѣдствіямъ, свойственнымъ природѣ человѣка,

или, выражаясь словами *посвященныхъ,* она проводитъ вѣчность въ обществѣ боговъ. Не такъ ли должны мы сказать, Цебесъ, или должны мы иначе выразиться?

— Именно такъ, клянусь Зевсомъ.

Каждое наслажденіе, каждое страданіе приковываютъ душу къ тѣлу какъ бы гвоздемъ, дѣлаютъ ее чувственною и заставляютъ ее — стремленія тѣла принимать за истинныя. А съ той минуты, какъ душа станетъ раздѣлять побужденія тѣла и находить въ нихъ удовольствіе, она, по моему мнѣнію, необходимо должна раздѣлять нравы и привычки тѣла: и тогда ей невозможно достигнуть чистою другого міра; но она исполнена тѣлеснаго въ ту минуту, когда оставляетъ тѣло. Вслѣдствіе этого, она скоро упадаетъ въ другой тѣлесный образъ и пускаетъ въ немъ корень, какъ растеніе; это самое не допускаетъ уже въ ней ничего общаго съ началомъ чистымъ, простымъ, божественнымъ!

— Ничего не можетъ быть справедливѣе этого, сказалъ Цебесъ.

Дѣйствительно, душа истиннаго философа никогда не будетъ того убѣжденія, что философія освобождаетъ ее отъ разныхъ опасеній для того, чтобы она, душа, могла свободно предаваться чувствамъ наслажденія и страстямъ, недопуская ихъ овладѣть ею вполнѣ: въ противномъ случаѣ, это былъ бы трудъ, который всякій разъ нужно было бы начинать съ изнова, какъ Пенелопову ткань. Напротивъ, душа истиннаго философа, подавляя голосъ страстей, руководствуясь въ своихъ поступкахъ указаніемъ одного разума, находится въ постоянномъ созерцаніи того, что истинно, божественно и независимо отъ измѣнчивости людскаго мнѣнія. Она убѣждена твердо, что такъ именно она должна проводить эту жизнь, а что, послѣ смерти тѣла, она должна соединиться съ родственнымъ ей началомъ, и сдѣлается навсегда недоступною для страданій, свойственныхъ природѣ человѣка. Оставаясь вѣрнымъ такимъ правиламъ, душа человѣка, любезные Симміасъ и Цебесъ, не должна ни сколько опасаться того, чтобы ею, при разлукѣ съ тѣломъ, овладѣлъ вѣтеръ и разнесъ ее по воздуху.

Но если душа безсмертна, то мы должны заботиться о ней неусыпно не только въ продолженіи того времени, которое мы называемъ *жизнью*, но и еще болѣе для вѣчности; весьма легко можетъ быть откроемъ мы, что пренебреженіе о душѣ сопряжено для насъ съ большею опасностью. Будь смерть полнымъ разрушеніемъ человѣка, то было бы для злыхъ людей весьма хорошо: въ одно и тоже время покончили бы они и съ тѣломъ, и съ душою, и съ своими пороками; но такъ какъ душа безсмертна, то и нѣтъ ей другаго средства ускользнуть отъ бѣдствій, которыя неминуемо постигнутъ злыхъ, и нѣтъ ей другаго спасенія, какъ сдѣлаться, сколько возможно, добродѣтельною и просвѣщенною. Переходя въ другой міръ, душа уноситъ съ собою только свои нравственныя и разумныя дѣйствія, которыя, съ первой минуты ея прибытія туда, становятся для нея источникомъ или величайшихъ благъ или величайшихъ золъ. Преданіе говоритъ, что послѣ смерти духъ (геній), которому поручено было находиться при насъ въ продолженіи нашей жизни, отводитъ насъ въ нѣкоторое мѣсто, куда всѣ умершіе предстаютъ на судъ, и оттуда тотъ же геній провожаетъ насъ въ другой міръ, согласно тому приказанію, которое получилъ свыше. Когда души наши пробудутъ въ томъ мѣстѣ въ блаженствѣ или въ страданіи столько времени, сколько имъ было назначено; тогда другой проводникъ отводитъ ихъ опять въ здѣшнюю жизнь, по миновеніи длиннаго рода вѣковъ. Дорога же здѣсь не такова, какъ ее описываетъ Телефъ Эсхила; онъ говоритъ, будто дорога туда совершенно гладкая и ровная, но, мнѣ кажется, это несправедливо. Будь такъ, какъ говоритъ Телефъ, то ненужно бы и проводника; если дорога одна и пряма, то сбиться съ нея невозможно. Ближе къ истинѣ будетъ полагать, что дорога эта имѣетъ много поворотовъ и перекрещивается многими другими дорогами; для меня основаніемъ этой догадкѣ служитъ то, что совершается при нашихъ жертвоприношеніяхъ и религіозныхъ обрядахъ. А потому, душа умѣренная и мудрая слѣдуетъ за своимъ проводникомъ, предчувствуя участь, которая ее ожидаетъ. Что же касается до той души, которую

страсти привязывали къ тѣлу, то она долго неможетъ отъ нихъ опомниться, какъ бы отъ опьяненія, ни отрѣшиться отъ впечатлѣній видимаго міра, и только послѣ упорнаго сопротивленія и большихъ страданій съ ея стороны, геній, къ ней приставленный, увлекаетъ ее силою и не безъ мученія для нея.

Когда такая душа явится въ сборное мѣсто душъ, то если она нечиста, напримѣръ, если совершила неправедное убійство и другія преступныя дѣйствія, свойственныя душамъ подобнаго рода, то прочія души избѣгаютъ ее и отвращаются отъ нея съ ужасомъ. Не находя себѣ подруги и спутницы, она блуждаетъ одна, томимая страшнымъ чувствомъ одиночества и неизвѣстности до того времени, когда, по минованіи извѣстнаго срока, приговоръ судьбы увлекаетъ ее въ жилище, котораго она заслуживаетъ. А та душа, которая въ здѣшней жизни, дѣйствовала разсудительно и умѣренно, поступаетъ подъ особенное покровительство божествъ, и божества сами соглашаются быть ея руководителями и товарищами, и душа эта будетъ жить въ мѣстѣ, для нея назначенномъ.

Итакъ, да будетъ исполненъ увѣренности въ судьбѣ душ и своей тотъ, кто, въ продолженіи жизни, отвергалъ наслажденія и украшенія тѣла, какъ предметы ему не родные и способные ввести его въ заблужденіе; который, стремясь къ познаніямъ, въ продолженіи жизни старался украсить душу свою не чуждыми и несвойственными ей прикрасами, но тѣми, которые ей близки, какъ то умѣренностью, правосудіемъ, твердостью, свободою, истиною. Тотъ можетъ спокойно ожидать часа перехода своего въ другой міръ, и готовъ всегда явиться на призывъ судьбы» *).

Во всей исторіи философіи нѣтъ страницъ, которыя былибы проникнуты болѣе высокой нравственностью. Приведенныя мысли Сократа дышатъ тѣмъ идеальнымъ величіемъ и чистотою, которыя были удѣломъ не многихъ людей.

---

*) А. Клевачовъ. Бесѣды Платона.

Одна изъ величайшихъ заслугъ Сократа въ философіи заключается въ *методѣ*, въ указанныхъ имъ пріемахъ правильнаго мышленія. Пріобрѣтеніе ясныхъ и твердыхъ понятій, которыя, соотвѣтствуя конкретному содержанію предметовъ, дали-бы возвыситься до общихъ принциповъ—онъ считалъ единственно надежнымъ средствомъ познанія истины. Въ виду такого пріема мышленія Аристотель считалъ Сократа изобрѣтателемъ индуктивнаго метода въ философіи. Исключая, дѣйствительно, самаго Аристотеля, никто кромѣ Сократа, не выразилъ болѣе опредѣленно этого метода до самыхъ временъ Бекона. Даже тогда, когда оракулъ въ Дельфахъ говоритъ Сократу, что онъ мудрѣйшій изъ людей, философъ считаетъ нужнымъ убѣдиться въ этомъ аналитическимъ и конкретнымъ путемъ. Въ защитительной рѣчи своей Сократъ разсказываетъ объ этомъ такъ:

«Пусть свидѣтельствуетъ о моей мудрости, какая бы она тамъ ни была, богъ, которому поклоняются въ Дельфахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вы знаете Херефона; другъ моего дѣтства, онъ такимъ былъ и для многихъ изъ васъ; вмѣстѣ съ вами подвергся онъ добровольному изгнанію изъ города и вернулся туда вмѣстѣ же съ вами. Конечно, вы знаете, что за человѣкъ этотъ Херефонъ и съ какимъ жаромъ исполняетъ онъ всякое дѣло, за которое берется. Разъ отправился онъ въ Дельфы, и тамъ дерзнулъ спросить оракула о томъ предметѣ, о которомъ я говорю теперь. Воздержите, Аѳиняне, прошу васъ, ропотъ, слушая слова мои. Херефонъ спросилъ у Пиѳіи: есть ли человѣкъ мудрѣе Сократа? Жрица отвѣчала: «что ни одинъ человѣкъ не превосходитъ его мудростью». Справедливость словъ моихъ можетъ засвидѣтельствовать передъ вами братъ Херефона, такъ какъ самъ Херефонъ уже умеръ.

Впрочемъ, вы поймите, для чего передаю я вамъ этотъ фактъ; это съ цѣлью — объяснить вамъ происхожденіе ложныхъ слуховъ, противъ меня распущенныхъ. Узнавъ о такомъ отвѣтѣ оракула, я сказалъ самъ себѣ: что богъ хотѣлъ сказать и что онъ хотѣлъ намъ дать понять такимъ отвѣтомъ? — Что же касается до меня собственно, то я

очень хорошо сознавалъ, что нѣтъ во мнѣ никакой мудрости, ни большой, ни малой. — Что же разумѣлъ оракулъ, назвавъ меня мудрѣйшимъ изъ людей? — А оракулъ насъ не обманываетъ и не можетъ насъ обмануть. Долго находился я въ сомнѣніи относительно истиннаго смысла этого изреченія оракула; наконецъ, по многомъ размышленіи, рѣшился приступить я къ изслѣдованію. а какого рода, я вамъ сейчасъ объясню.

Я пошелъ къ одному изъ тѣхъ людей, которые слывутъ мудрыми и я надѣялся лучше, чѣмъ гдѣ нибудь уличить оракула въ пристрастіи, доказавъ, что этотъ человѣкъ мудрѣе меня, хотя мнѣ дано столь завидное первенство въ мудрости. Со вниманіемъ наблюдалъ я этого человѣка (имя его знать вамъ не нужно; довольно, если я скажу, что то былъ одинъ изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей) и подѣлюсь съ вами, Аѳиняне, результатомъ моихъ наблюденій. Изъ бесѣды съ этимъ человѣкомъ замѣтилъ я, что онъ слыветъ мудрымъ въ глазахъ большей части своихъ согражданъ и особенно кажется такимъ въ своихъ собственныхъ: но на дѣлѣ совсѣмъ не заслуживаетъ названія мудраго. Потомъ старался я доказать ему самому, что считая себя мудрымъ, онъ на дѣлѣ не таковъ. Вотъ что, сдѣлало меня ненавистнымъ и этому человѣку и большой части тѣхъ, которые присутствовали при нашихъ бесѣдахъ. Оставивъ этого человѣка, я сталъ разсуждать такъ самъ въ себѣ: безъ сомнѣнія, во мнѣ болѣе мудрости, чѣмъ въ немъ; можетъ быть ни я, ни онъ не имѣемъ истиннаго понятія о томъ, что благо и что прекрасно; но, по крайней мѣрѣ, онъ, ничего не зная, находится въ заблужденіи, будто что нибудь знаетъ; тогда какъ я, если ничего не знаю, то и не беру на себя того, чего нѣтъ. А потому, мнѣ кажется, что относительно того человѣка въ мудрости имѣю я передъ нимъ ту слабую выгоду, что я не имѣю притязаній знать то, чего не знаю.

За тѣмъ отправился я къ человѣку, который по слухамъ былъ еще мудрѣе перваго, но и тамъ нашелъ я все тоже.

И тутъ навлекъ я на себя ненависть мнимаго мудреца и многихъ другихъ.

Не переставалъ я продолжать мои изслѣдованія, хотя и прискорбно, и страшно было мнѣ видѣть, какъ много недоброжелательства и ненависти возбудилъ я противъ себя. А впрочемъ я не считалъ себя въ правѣ оставить безъ вниманія отвѣтъ бога; напротивъ, считалъ обязанностью, чтобы постигнуть смыслъ изреченія оракула, обойти всѣхъ тѣхъ людей, которые полагали, что они что-нибудь знаютъ. По истинѣ, Аѳиняне, пришелъ я къ слѣдующему самому справедливому результату: тѣ люди, которые болѣе другихъ, по общему мнѣнію, считались мудрыми, оказались въ моихъ глазахъ совершенно лишенными правъ на это названіе; тогда какъ тѣ, которые не имѣли притязаній на наименованіе мудрыхъ, были, по моему убѣжденію, гораздо ближе къ мудрости. Впрочемъ, я васъ познакомлю съ предпринятыми мною въ этомъ отношеніи трудами и изслѣдованіями, которые всѣ имѣли цѣлью убѣдиться въ справедливости изреченія оракула.

Послѣ государственныхъ людей посѣтилъ я поэтовъ, какъ тѣхъ, которые сочиняютъ трагедіи и диѳирамбы, такъ и другихъ; тутъ то льстился я надеждою убѣдиться наконецъ въ моемъ незнаніи и въ превосходствѣ другихъ передо мною. Взявъ въ руки тѣ изъ произведеній поэтовъ, которыя показались мнѣ обработанными съ наибольшимъ стараніемъ, я обратился къ самимъ творцамъ съ просьбою объяснить мнѣ смыслъ ихъ сочиненій; отъ нихъ то хотѣлъ я учиться самъ.

Стыжусь, Аѳиняне, высказать вамъ истину, а впрочемъ это совершенно необходимо: большая часть людей постороннихъ, слушавшихъ эти поэмы, были въ состояніи лучше объяснить смыслъ ихъ, чѣмъ сами ихъ творцы. Скоро убѣдился я въ томъ, что поэты слагаютъ свои произведенія не подъ вліяніемъ мудрости, но какого-то природнаго таланта и вдохновенія, подобнаго тому, которое воодушевляетъ прорицателей и предсказателей, которые иногда высказываютъ весьма много хорошаго, сами того не понимая. Мнѣ показалось, что и поэты дѣйствуютъ точно также и я убѣдился въ томъ, что они, воображая своимъ поэтическимъ даромъ быть муд-

рѣе прочихъ людей, на дѣлѣ нисколько не выше ихъ въ этомъ отношенiи. А потому и поэтовъ оставилъ я съ увѣренностью, что я ихъ тѣмъ же превосхожу, чѣмъ и государственныхъ людей. Наконецъ, обратился я къ художникамъ: я сознавалъ, что въ дѣлѣ искусства я ничего не понимаю и надѣялся прiобрѣсть здѣсь много важныхъ познанiй. Отчасти я не ошибся: художники знали весьма многое, чего я не зналъ, и въ этомъ отношенiи они были искуснѣе меня; но мнѣ показалось, Аѳиняне, что они, будучи, каждый по своей части, хорошими работниками, впадали въ тотъ же недостатокъ, что и поэты. Обладая нѣкоторымъ превосходствомъ въ своемъ искусствѣ, каждый изъ художниковъ считаетъ себя мудрымъ и во всемъ остальномъ, хотя бы относительно предметовъ первой важности. Столь неосновательныя притязанiя только клонятся ко вреду ихъ истиннаго таланта. Тогда, вникая въ истинный смыслъ изреченiя оракула, я спросилъ самъ себя: что я предпочту—остаться ли такимъ, какъ я есть, не раздѣляя ни мудрости, ни незнанiя этихъ людей, или принять на себя и ихъ качества и недостатки—я отвѣчалъ и себѣ и оракулу, что лучше мнѣ остаться такимъ, какъ я есть.

Вотъ эти-то изслѣдованiя, Аѳиняне, навлекли мнѣ такую сильную и страшную ненависть; вотъ причина стольких ложныхъ слуховъ, обо мнѣ распущенныхъ, и того, что я слыву за мудреца. Всѣ тѣ, которые присутствовали при моихъ разсужденiяхъ, вообразили, будто я самъ очень хорошо знаю тѣ предметы, относительно которыхъ незнанiе другихъ я только обличаю. Все это, Аѳиняне, приводитъ насъ къ такому выводу, что только одинъ богъ истинно мудръ и это то хотѣлъ высказать оракулъ, указавъ на то, что мудрость человѣческая весьма мало или почти ничего не значитъ. Вѣроятно и то, что если оракулъ употребилъ тутъ мое имя, то не для меня собственно, а какъ примѣръ для поученiя: онъ хотѣлъ сказать всѣмъ намъ: «люди, только тотъ по истинѣ мудръ, который, какъ Сократъ, пришелъ къ тому убѣжденiю, что мудрость человѣческая въ сущности есть ничто» *).

*) А. Клеванова. Бесѣды Платона.

Бесѣдуя съ учениками, Сократъ всегда употреблялъ вопросительную форму. Главное, къ чему направлены его вопросы, есть достиженіе общихъ понятій. Чтобы привести понятія къ общей формѣ, онъ исходитъ въ своихъ вопросахъ отъ конкретныхъ фактовъ и старается извлечь изъ частностей общее. Онъ добивался принциповъ, общихъ началъ, какъ выводовъ изъ частностей, не ради простаго философствованія, однако, а ради все той-же разумной человѣческой нравственности, которую онъ ставитъ выше всего. Какъ самый методъ Сократа, такъ и цѣль метода ярко выступаютъ въ бесѣдѣ философа съ Аристодемомъ о божествѣ, передаваемой Ксенофонтомъ.

«Если кто думаетъ, какъ нѣкоторые пишутъ и говорятъ на какихъ то основаніяхъ, будто Сократъ превосходно умѣлъ побуждать людей къ добродѣтели, но не былъ въ состояніи довести до нея, то пусть они обратятъ вниманіе не только на то, какъ онъ, ради внушенія, опровергалъ своими вопросами тѣхъ лицъ, которые думали, что все знаютъ, но и на то, какъ онъ ежедневно разсуждалъ съ своими учениками, и тогда пусть судятъ, въ состояніи ли онъ былъ дѣлать своихъ собесѣдниковъ лучше.

Я разскажу сперва, что я однажды слышалъ отъ него въ разговорѣ о божествѣ съ Аристодемомъ, называемымъ Младшимъ. Узнавъ, что Аристодемъ не приноситъ жертвъ богамъ и не обращается къ мантикѣ, даже смѣется надъ тѣми людьми, которые дѣлаютъ это, Сократъ спросилъ его:— Аристодемъ, есть ли такіе люди, мудрости которыхъ ты удивляешься?—Конечно есть, отвѣчалъ тотъ.—Такъ назови мнѣ ихъ по именамъ, сказалъ Сократъ.—Въ поэмахъ я наиболѣе удивляюсь Гомеру, отвѣчалъ Аристодемъ, въ диѳирамбахъ Меланиппиду, въ трагедіи Софоклу, въ ваяніи Поликлиту, въ живописи Зевксису.—Но болѣе ли, по твоему мнѣнію, достойны удивленія тѣ, что производятъ идоловъ бездушныхъ и недвижимыхъ, или тѣ, что производятъ живыя существа, одаренныя разумомъ и дѣйствіемъ? спросилъ Сократъ.—Разумѣется, гораздо больше послѣдніе, если только это происходитъ по разуму, а не по какому либо случаю.—

Но изъ тѣхъ предметовъ, относительно которыхъ извѣстно, что они существуютъ для пользы, которые ты считаешь дѣломъ случая и которые дѣломъ разума?—Разумѣется, существующіе для пользы суть дѣло разума, отвѣчалъ Аристодемъ.

— Слѣдовательно, ты согласенъ, что Тотъ кто издревле творитъ человѣка, далъ ему для извѣстной пользы то, черезъ что человѣкъ узнаетъ каждый предметъ: глаза—чтобы видѣть видимое, уши—чтобы слышать слышимое? Дальше. Была ли бы польза изъ запаха, если бы намъ не были даны ноздри? Было ли бы ощущеніе сладкаго, горькаго, всего пріятнаго во рту, если бы мы не были надѣлены языкомъ, который различаетъ это? Кромѣ того, не кажется ли тебѣ дѣломъ промысла и то, что такъ какъ глазъ нѣженъ, то огражденъ вѣками, которыя, въ случаѣ надобности въ зрѣніи, раскрываются, а во время сна закрываются? а чтобы и вѣтеръ не приносилъ вреда, дано (своего рода) сито—рѣсницы, а по выше глазъ (Промыслъ) защитилъ бровями, чтобы каплющій съ головы потъ не причинялъ вреда. А то, что слухъ воспринимаетъ всякіе звуки и никогда не наполняется? что всякому животному даны передніе зубы, чтобы они могли рѣзать, и коренные, чтобы могли принятое отъ переднихъ зубовъ растирать? что ротъ, которымъ животное принимаетъ въ себя то, чего желаетъ, помѣщенъ вблизи глазъ и носа, а такъ какъ изверженія противны, то самые каналы ихъ направлены въ противоположную сторону и удалены какъ можно дальше отъ чувствъ? Неужели ты станешь еще недоумѣвать, есть ли все это такъ устроенное дѣло случая или оно дѣло разума?

— Конечно, если такъ смотрѣть, то все это выходитъ дѣломъ мудраго и любящаго художника, отвѣчалъ Аристодемъ.

— А вдохнуть любовь къ произведенію потомства, родительницамъ—любовь къ воспитанію дѣтей, и выросшимъ существамъ—величайшую любовь къ жизни и величайшій страхъ смерти? спрашивалъ Сократъ.—Разумѣется, и это выходитъ какъ будто распорядительность такого лица, ко-

торому угодно, чтобы были живыя существа, отвѣчалъ Аристодемъ.

— А относительно себя, замѣчаешь-ли, что ты имѣешь въ себѣ нѣчто разумное, и думаешь ли ты, что больше нѣтъ нигдѣ разумнаго? и это тогда, когда ты знаешь, что въ твоемъ тѣлѣ есть малая часть столь обширной земли и малая часть столь обширной влаги, что изъ прочихъ очень многихъ (стихій) ты имѣешь тоже по небольшой части и что все это находится въ тебѣ въ гармоніи. А мысль ты, вѣроятно, думаешь, что ты одинъ по счастливой случайности восхитилъ и что ея больше нигдѣ нѣтъ, и что все это столь величественное и безпредѣльное по какому-то недоразумѣнію находится въ такомъ прекрасномъ порядкѣ?

— Да, я такъ думаю: потому что не вижу правителей такъ, какъ вижу мастеровъ того, что здѣсь дѣлается, отвѣчалъ Аристодемъ.—Но вѣдь ты, возразилъ Сократъ, не видишь и собственной души, которая есть правитель тѣла,— въ силу чего ты могъ бы сказать, что ты все дѣлаешь не сознательно, но случайно!—Сократъ, я не отвергаю высшаго существа, отвѣчалъ Аристодемъ, но считаю его слишкомъ величественнымъ для того, чтобы нуждаться въ моемъ поклоненіи.—Стало быть, сказалъ Сократъ, тѣмъ болѣе оно удостоиваетъ тебя своими величественными заботами, тѣмъ болѣе ты долженъ чтить его.—Будь увѣренъ, отвѣчалъ Аристодемъ, что я не былъ бы невнимателенъ къ богамъ, если бы зналъ, что они заботятся о человѣкѣ.

— Такъ ты думаешь, возразилъ Сократъ, что о человѣкѣ не заботятся тѣ, которые, во первыхъ, изъ всѣхъ животныхъ одному только человѣку дали прямое положеніе—а прямота даетъ большую возможность смотрѣть въ даль, видѣть то, что сверху, и менѣе подвергаться ударамъ — и приноровили къ этому глаза, уши и ротъ? За тѣмъ, всѣмъ животнымъ они дали ноги, чтобы способствовать только ходьбѣ, но человѣку они дали еще руки, чтобы совершать все то, чѣмъ мы счастливѣе животныхъ. Кромѣ того, хотя и всѣ животныя имѣютъ языкъ, но только языкъ человѣка боги сдѣлали способнымъ, посредствомъ такого или иного

соприкосновенія со ртомъ, произносить членораздѣльные звуки и выражать нашимъ ближнимъ наши желанія. Затѣмъ, чувство любви они дали всѣмъ животнымъ, ограничивъ только временами года, тогда какъ намъ они предоставили это навсегда, до самой старости. И не только богамъ угодно было позаботиться о тѣлѣ, но, что особенно важно, они вдунули въ человѣка прекрасную душу. Въ самомъ дѣлѣ, какого другого живаго существа душа сознаетъ, прежде всего, *бытіе боговъ*, устроителей всего великаго и прекраснаго? Какое другое племя, кромѣ человѣческаго, почитаетъ боговъ? Какая душа болѣе человѣческой въ состояніи напередъ принять предосторожности противъ голода, жажды, холода, зноя, помочь въ болѣзни, развить физическія силы, заняться ученіемъ и быть способной держать въ памяти все то, что она услышитъ, увидитъ, выучитъ? Развѣ для тебя не очевидно, что въ сравненіи съ другими животными, люди, возвышаясь своей природой какъ физической, такъ и духовной, живутъ какъ боги? Потому что если бы кто имѣлъ тѣло вола, а разумъ человѣка, онъ не могъ бы исполнять своихъ желаній; такъ точно какъ животныя, имѣя руки, но будучи неразумны, не имѣютъ большаго успѣха. Между тѣмъ какъ ты, получивъ то и другое—предметы величайшей важности, думаешь, что боги о тебѣ не заботятся! Что же они должны сдѣлать, чтобы ты былъ убѣжденъ въ ихъ заботливости? Послать по твоему выраженію, совѣтника относительно того, что должно дѣлать и чего не должно? Но если они дѣлаютъ указанія аоинянамъ на ихъ вопросы черезъ мантику, то развѣ они не дѣлаютъ указаній въ томъ числѣ и тебѣ? Не дѣлаютъ и тогда, когда посылаютъ эллинамъ чудеса и предостерегаютъ или когда посылаютъ ихъ всему міру? Или только тебя одного исключаютъ и оставляютъ внѣ попеченій? Думаешь ли ты, что боги внушили бы человѣку представленіе о своей силѣ дѣлать добро и зло, если бы не могли этого сдѣлать, и что человѣкъ въ вѣчномъ заблужденіи никогда ни на что не обратилъ бы вниманія? Развѣ тебѣ неизвѣстно, что самые древніе и самые образованные государства и народы—самые набожные, и что самый разсудительный возрастъ есть вмѣ-

стѣ и самый богобоязненный? Знай, другъ мой, что и присущій тебѣ умъ управляетъ твоимъ тѣломъ, какъ хочетъ, а отсюда нужно придти къ той мысли, что и разумъ всемірный располагаетъ всѣмъ такъ, какъ ему угодно, а не къ той, что твой глазъ можетъ проникнуть на нѣсколько стадій, а божье око не можетъ быть всевидящимъ, и не къ той, что твоя душа можетъ думать о томъ, что здѣсь дѣлается, и о томъ что въ Египтѣ, и о томъ, что въ Сициліи, а разумъ божественный не въ силахъ помышлять о вселенной. Если же ты, оказывая почтеніе людямъ, знаешь, что они съ своей стороны охотно окажутъ почтеніе и тебѣ; или, если, напр., при услугахъ съ твоей стороны платятъ тебѣ тѣмъ же, или если при обращеніи за совѣтомъ, ты видишь, кто разсудителенъ; если ты такъ точно начнешь оказывать почтеніе и богамъ, чтобы испытать, захотятъ ли они подавать тебѣ совѣты относительно неизвѣстныхъ человѣку вопросовъ, то ты узнаешь, что божество такъ велико и такими свойствами обладаетъ, что оно вмѣстѣ и всевидящее и вездѣсущее и всепромышляющее». —

«Я полагаю, замѣчаетъ Ксенофонтъ послѣ приведенныхъ словъ учителя, что Сократъ такими разсужденіями заставлялъ своихъ учениковъ воздерживаться отъ нечестія, неправды и порока не только тогда, когда ихъ видѣли другіе, но и тогда, когда они были въ уединеніи, потому что они знали, что, чтобы они не дѣлали, отъ боговъ не скроются» *).

Сократъ добивался мудрости ради нравственности а эту послѣднюю, въ свою очередь, хотѣлъ основать на разумныхъ началахъ, на мудрости.

Все значеніе Сократа мы увидимъ только въ ученіяхъ послѣдующихъ философовъ изъ школы Мегарской и Киренской, у Платона и Аристотеля. Сократъ положилъ начало новой философской эпохѣ, и въ ней только онъ самъ выступаетъ вполнѣ опредѣленно.

---

*) Г. А. Янчевецкій.

Цѣна 60 коп.